ISSN 1995-9699

В Совете ФПА

С. 9

Гонорар адвокатов во Франции

С. 10–11

Судья Ковлер – миссионер права

С. 13

НОВАЯ АДВОКАТСКАЯ ГАЗЕТА

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ
НЕЗАВИСИМОСТЬ
КОРПОРАТИВНОСТЬ

№ 06 (047)
март 2009 г.

ОРГАН ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПАЛАТЫ АДВОКАТОВ РФ

В НОМЕРЕ

Документы

Адвокатская тайна в решениях Конституционного Суда — С. 4–6

Актуально

Адвокатская тайна в свете практики Европейского суда — С. 7

Официально

Аренда помещений без торгов

Филиалы отчитываются на местах — С. 8

Школа права

Европейский суд ужесточает позицию в отношении России — С. 12

Высшая инстанция

Десять адвокатов задали жару азербайджанской юстиции — С. 14

Бумеранг — С. 15

Юбилей

Двести лет вместе — С. 16

АДВОКАТСКАЯ ТАЙНА КАК НЕРВ ПРОФЕССИИ

Александр КРОХМАЛЮК,
главного редактора «АГ»

Фото: Марина САМАРИ

4 марта в Федеральной палате адвокатов состоялась конференция «Адвокатская тайна», организованная ФПА, Американской ассоциацией юристов, Институтом адвокатуры МГЮА и Посольством США в России.

Высокий уровень мероприятия определили его участники, известные как знатоки материи адвокатской тайны: президент ФПА Евгений Семеняко, вице-президент ФПА Юрий Пилипенко, вице-президент ФПА и президент Адвокатской палаты г. Москвы Генри Резник, постоянный представитель Минюста США при Посольстве США в России Томас Файерстоун, президент адвокатской фирмы «Юстина» Виктор Буробин, член квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы Николай Кипнис.

В конференции приняли участие также адвокаты Швейцарии, Франции, Белоруссии, Киргизии, представители региональных адвокатских палат, ученые-правоведы.

Высокая планка, взятая участниками конференции с первых выступлений, обеспечила накал и продуктивность дискуссии.

Публикуем выдержки из наиболее интересных выступлений участников конференции.

Окончание на с. 2–3

АДВОКАТСКАЯ ТАЙНА
КАК НЕРВ ПРОФЕССИИ

Окончание. Начало на с. 1

Юрий ПИЛИПЕНКО,
вице-президент ФПА РФ

Три эшелона адвокатской тайны

Тот факт, что мы уже в третий раз проводим конференцию, посвященную адвокатской тайне, говорит о важности этой темы для практической деятельности адвоката.

Адвокатская тайна наряду с адвокатским иммунитетом определяет суть и смысл нашей профессии. Можно выделить три базовых элемента, обеспечивающих действенность этого института.

Во-первых, это культурные и правовые традиции. Известно, что в нашей стране всегда все секрет и ничто не тайна. Приводить доказательства не обязательно, так как с этим никто не спорит.

И в нашей стране, и в большинстве стран с православными традициями, например на Кипре, в Греции, в Болгарии, на Украине, к тайнам испокон века относятся с определенным легкомыслием.

Иное дело страны с господствующим протестантством: например, в Швейцарии во многие банки даже на работу не принимают выходцев из других стран исключительно по соображениям конфиденциальности.

Во-вторых, адвокатская тайна обеспечивается законодательно.

Несмотря на то что современный Закон об адвокатской деятельности сделал гигантский шаг вперед в вопросах законодательного обеспечения адвокатской тайны, процессуальные оппоненты адвокатов не слишком считаются с законодательными ограничениями. Оспаривая их незаконные действия, адвокаты вынуждены защищать право на адвокатскую тайну в судах, вплоть до высших судебных инстанций. Решения высших судов, прежде всего Конституционного и Верховного, представляют собой дополнительный уровень защиты, обеспечивающей правильное применение и трактовку законодательства. Достаточно обратиться к одному из последних определений КС РФ от 21 октября 2008 г. № 673-О-О, в котором Суд указал на приоритет специального закона перед нормами УПК в отношении обеспечения адвокатской тайны (комментарий Юрия Пилипенко к определению № 673-О-О публикуется на с. 6. – *Прим. ред.*).

В-третьих, адвокатская тайна опирается на технологии адвокатской деятельности и практические навыки адвоката. Все больше адвокатов прибегают к специальной маркировке документов, содержащих конфиденциальные сведения, в том числе электронных, размещают на дверях служебных помещений таблички «Адвокатский кабинет» и маркируют сейфы специальными надписями типа «Личный сейф адвоката».

Виктор БУРОБИН,
президент адвокатской фирмы «Юстина»,
член Совета АПГМ

Нет доверия без тайны

Нет доверия, нет адвокатской тайны – нет и самого института адвокатуры. Адвокатская тайна, ее пределы, гарантии соблюдения – это один из вечных вопросов адвокатской деятельности, и думаю, что решить его в полном объеме не удастся никогда и никому.

Интерес к этой теме в последнее время несколько возрос, как мне представляется, в связи с тем, что сейчас определилась стойкая тенденция в нашем государстве, как, впрочем, и во многих других странах, наступления на адвокатскую тайну – стали предприниматься попытки сузить, урезать ее, ограничить определенными рамками.

Подтверждением этого тезиса могут служить данные, приводимые в кандидатской диссертации А. Пшукова «Адвокатская тайна», защищенной в МГЮА. На вопрос, бывали ли в вашей практике случаи нарушения адвокатской тайны со стороны правоохранительных органов, утвердительно ответили 88 % адвокатов – из них в 20 % случаев имели место попытки незаконных допросов, в 50 % – досмотры, в 5 % – обыски.

В этой же работе содержится еще один парадоксальный вывод: при советской власти гарантий адвокатской тайны было меньше, но и нарушений тайны со стороны государства – тоже значительно меньше, отмечают адвокаты.

А вот как относятся к адвокатской тайне наши процессуальные противники. Хочу привести высказывание из удивительного учебника под названием «Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве», написанного в 2005 г. заведующим кафедрой организации прокурорско-следственной деятельности Иркутского института повышения квалификации прокурорских работников Генеральной прокуратуры РФ Ю.П. Гармаевым, предназначенного, как сказано в аннотации, для работников правоохранительных органов, судей, адвокатов.

Про адвокатскую тайну на с. 48 там сказано буквально следующее: «По нашему

Учредитель: **Федеральная палата адвокатов РФ** Издатель: **Фонд поддержки и развития адвокатуры «Адвокатская инициатива»**

Учреждена по решению III Всероссийского съезда адвокатов

Выходит два раза в месяц.

Зарегистрирована 13 апреля 2007 г. Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере коммуникаций и охране культурного наследия

Свидетельство ПИ № ФС 77-27854

Куратор издания **Юрий ПИЛИПЕНКО**, вице-президент ФПА РФ

Главный редактор **Александр КРОХМАЛЮК**, руководитель пресс-службы ФПА РФ

Зам. главного редактора **Мария ПЕТЕЛИНА**

Корреспондент **Марина САМАРИ**

Редактор-корректор **Наталья ШИБАСОВА**

Макет, дизайн и верстка **Елена САХАРОВА**

Подписка и распространение **Ольга ИГНАТОВА**

Адрес редакции:

119002, г. Москва, пер. Сивцев Вражек, д. 43
Тел.: (495) 787-28-35
Тел./факс: (495) 787-28-36
E-mail: advgazeta@mail.ru
www.advgazeta.ru

Следующий номер выйдет 2 апреля

© «НОВАЯ АДВОКАТСКАЯ ГАЗЕТА»

Воспроизведение материалов полностью или частично без разрешения редакции запрещено. Редакция не несет ответственности за достоверность информации, содержащейся в рекламных объявлениях и авторских материалах. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Отпечатано в ООО «Офсетная типография № 21»

Москва, ул. Рочдельская, 15, стр. 29
Тел.: 252-01-18, 252-00-74

Номер подписан в печать 12.03.2009

Тираж 2400

Заказ № 4–16/03

мнению, субъекты расследования вправе назначать и проводить оперативно-розыскные мероприятия в отношении адвоката и его подзащитного, в том числе и во время их конфиденциальных свиданий».

Комментарии излишни, но когда такая рекомендация исходит от Института повышения квалификации прокурорских работников Генпрокуратуры, можно себе представить уровень понимания значения тайны для правосудия и для гражданского общества нашими следователями, оперативными работниками, милиционерами.

К чему такое обучение и такие рекомендации приводят на практике?

По печальному делу ЮКОСа в мотивировочной части приговора находим такие строки: «Адвокаты ходатайствуют об исключении из числа доказательств по делу протокола обыска в адвокатском бюро “АЛМ-Фельдманс”, поскольку обыск был проведен без санкции суда и без соблюдения иных законодательных гарантий адвокатской деятельности. Однако, как далее пишет суд, данные выводы являются несостоятельными, поскольку в соответствии с постановлением о производстве обыска он производился не в отношении конкретного адвоката Дреля А.В., а в служебном помещении. Кроме того, доводы защиты о незаконности обыска в адвокатском бюро без санкции суда, а также невозможности использования изъятых там документов в качестве доказательств по делу не основаны на требованиях УПК РФ».

Изъятые у адвоката документы его доверителя суд по этому делу положил в основу обвинительного приговора.

Обыск в помещении адвокатского бюро «Адвокатская фирма “Юстина”» также производился без санкции суда. Проводился в кабинетах 23 адвокатов. Нам пришлось два круга ходить по судам общей юрисдикции, которые отказывались в очевидной ситуации признать такой обыск незаконным. Мотивировка – обыск проводится не у адвоката, а в связи с делом в отношении иного лица. И лишь решение Конституционного Суда поставило точку в этом вопросе.

Этим решением, как мне представляется, мы в какой-то мере предотвратили разгул незаконных действий правоохранителей в части адвокатской тайны.

Валерий МИТРОФАНОВ,
председатель Минской городской коллегии адвокатов

Когда тайна перестает быть тайной

В Правилах профессиональной этики адвоката нашей республики (п. 19) указано три случая, при которых адвокат может раскрыть доверенную клиентом информацию в объеме, который он считает обоснованно необходимым:

– в случае согласия самого клиента, если раскрытие такой информации необходимо для оказания юридической помощи;

– для обоснования позиции адвоката при решении спора между ним и клиентом либо для обоснования личной защиты по делу, возбужденному против него и основанному на действиях, в которых принимал участие клиент;

– при проведении консультаций с другими адвокатами, если клиент не возражает против таких консультаций.

В то же время согласно Закону Республики Беларусь от 19 июля 2000 г. «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных незаконным путем, и финансирования террористической деятельности» на адвоката налагается обязанность довести до сведения компетентных органов ставшую ему известной информацию.

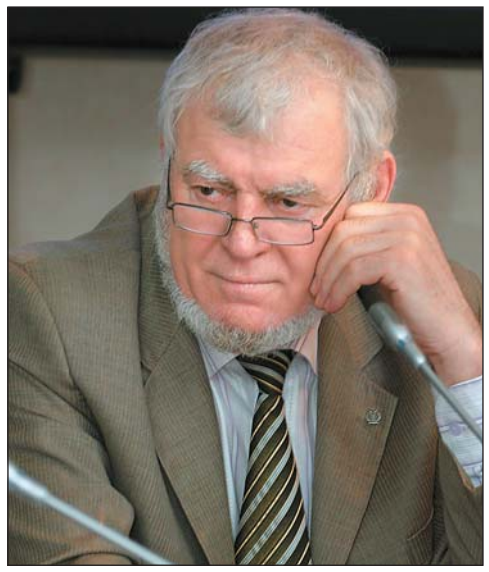
В частности, адвокаты признаются лицами, осуществляющими финансовые операции, в том случае, если ими совершаются от имени или по поручению клиента финансовые операции, связанные с куплей-продажей недвижимого имущества, управлением денежными средствами, ценными бумагами или иным имуществом, распоряжением банковскими счетами и (или) счетами «депо», созданием организаций или их обособленных подразделений либо участием в управлении ими, приобретением и продажей предприятия как имущественного комплекса. При этом указано, что в случае выявления операции, подлежащей особому контролю, адвокат обязан письменно сообщить об этом заведующему юридической консультацией, заполнить соответствующие документы, часть которых должна быть передана в Департамент финансового мониторинга Комитета государственного контроля Республики Беларусь.

Необходимо отметить, что указанные нормативные акты как в Республике Беларусь, так и в России были приняты во исполнение международных обязательств по борьбе с международной коррупцией и терроризмом.

Анализ действующего законодательства Республики Беларусь, международно-правовых актов о роли адвокатуры и месте в этом правовом институте адвокатской тайны однозначно свидетельствует о приоритете последней перед интересами правоохранительных органов. Если сегодня можно признать какие-либо сведения, сообщаемые клиентом своему адвокату, не подлежащими защите в качестве охраняемых адвокатской тайной, то уничтожается смысл адвокатской профессии и возможность каких бы то ни было доверительных отношений между адвокатом и клиентом. Открывая возможность исключить из адвокатской тайны одни сведения, законодатель закладывает возможность не ограничиваться этими сведениями в будущем, а расширить их, исключив и другие сведения, и может сложиться ситуация, когда постепенно сама суть адвокатской тайны будет выхолощена.

Исключение из адвокатской тайны каких-либо сведений, с нашей точки зрения, не оправданно.

Закон Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) допускает возможность проведения в отношении отдельных граждан ряда оперативно-розыскных мероприятий. К числу последних в том числе относится прослушивание телефонных переговоров. При этом очевидно, что в тех случаях, когда осуществляют прослушивание телефонных разговоров подозреваемого, обвиняемого, наряду с иными разговорами в сферу прослушивания попадают и разговоры указанных лиц с адвокатом. Аналогичным образом лица, в отношении которых уголовное дело не возбуждено, но в отношении которых, тем не менее,



проводятся оперативно-розыскные мероприятия, также могут общаться по телефону с адвокатом, оказывающим им юридическую помощь в виде дачи консультаций правового характера. Данное общение с точки зрения Закона об ОРД и Правил профессиональной этики адвоката должно подпадать под защиту от незаконного вмешательства со стороны любых лиц как институт адвокатской тайны, однако на этот счет Закон об ОРД оговорок не делает.

Более того, в случае если оперативно-розыскные мероприятия были проведены в соответствии с Законом об ОРД и, например, в сферу прослушивания телефонных переговоров все же попала беседа подозреваемого, обвиняемого с его защитником, нет никаких препятствий для использования в последующем таких материалов в качестве доказательств в уголовном процессе. АГ

От редакции

Организаторы конференции заверили нас, что все материалы конференции будут изданы в виде отдельного сборника.

АДВОКАТСКАЯ ТАЙНА В РЕШЕНИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА

На адвокатов и адвокатские образования не возложена обязанность предоставлять налоговому органу любые документы, содержащие сведения о клиентах, и, соответственно, не предусмотрена их ответственность за неисполнение такой обязанности как за налоговое правонарушение.

(Определения Конституционного Суда РФ от 17 июня 2008 г. № 451-О-П по жалобе гражданина Карелина Михаила Юрьевича на нарушение его конституционных прав положениями подп. 6 п. 1 ст. 23 и п. 1 ст. 93 Налогового кодекса РФ, п. 1 ст. 8 и п. 3 ст. 18 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»; от 6 марта 2008 г. № 449-О-П по жалобе некоммерческой организации «Коллегия адвокатов “Регионсервис”» на нарушение конституционных прав и свобод положениями п. 1 ст. 93 и п. 2 ст. 126 Налогового кодекса РФ)

Заявители в жалобах указывают, что оспариваемые положения закона – с учетом смысла, придаваемого им судебной практикой, – противоречат положениям Конституции РФ, поскольку допускают возможность истребования налоговыми органами документов, содержащих сведения, составляющие адвокатскую тайну. В жалобе адвоката М.Ю. Карелина указывается, что данные положения возлагают на адвоката обязанность предоставлять такие документы по требованию налоговых органов. В жалобе коллегии адвокатов «Регионсервис» подчеркивается то обстоятельство, что адвокаты могут быть привлечены к ответственности за непредоставление сведений, необходимых для налоговой проверки.

Исходя из правовой позиции Конституционного Суда РФ, сформулированной в определении от 6 июля 2000 г. № 128-О применительно к нормам уголовного законодательства, касающимся адвокатской тайны, положения подп. 6 п. 1 ст. 23 и п. 1 ст. 93 НК РФ не могут рассматриваться как возлагающие на адвокатов и адвокатские образования обязанность предоставлять налоговому органу любые документы, содержащие сведения о клиентах, и, соответственно, предусматривающие ответственность за неисполнение такой обязанности как за налоговое правонарушение.

Целями налогообложения и налогового контроля предопределяется содержание информации, предоставляемой налоговым органам адвокатами и адвокатскими образованиями. Налоговый орган вправе требовать от них сведения, которые необходимы для оценки налоговых последствий сделок, заключаемых с клиентами. Такие сведения в любом случае составляют налоговую тайну и защищаются от разглашения в силу закона (ст. 102 НК РФ). Что касается сведений, которые связаны с содержанием оказываемой адвокатом юридической помощи и могут быть использованы против его клиента, то – исходя из конституционно значимых принципов адвокатской деятельности, – налоговые органы не вправе требовать их представления.

Таким образом, подп. 6 п. 1 ст. 23 и п. 1 ст. 93 НК РФ, предусматривающие предоставление налогоплательщиками – адвокатами и адвокатскими образованиями по требованию налогового органа документов, необходимых для исчисления и уплаты налогов, сами по себе не могут расцениваться как нарушающие конституционные права заявителей. Разрешение же споров о том, содержит ли запрашиваемый у адвоката документ сведения, составляющие адвокатскую тайну, либо он относится к документам, которые связаны с оценкой налоговых последствий сделок, заключаемых адвокатом со своими клиентами, т.е. отражают его собственные доходы и расходы, а потому могут быть подвергнуты проверке в обычном порядке, входит в компетенцию правоприменительных органов и к полномочиям Конституционного Суда РФ не относится.

Решение о проведении личного досмотра в отношении адвоката может иметь место, только если администрация исправительного учреждения располагает данными, позволяющими полагать наличие у него запрещенных к проносу на территорию исправительного учреждения предметов.

(Определение Конституционного Суда РФ от 6 марта 2008 г. № 428-О-П по жалобе гражданки Кирюхиной Ирины Петровны на нарушение ее конституционных прав ч. 6 ст. 82 Уголовно-исполнительного кодекса РФ и п. 6 ст. 14 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»)

И.П. Кирюхина оспаривает конституционность положений, которыми администрации исправительных учреждений (учреждениям, исполняющим наказания) предоставляется право производить досмотр находящихся на их территории и на прилегающих к ним территориях, на которых установлены режимные требования, лиц, их вещей, транспортных средств, а также изымать запрещенные вещи и документы, перечень которых устанавливается законодательством Российской Федерации и Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений.

Необходимость повышенных гарантий защиты статуса адвоката со стороны государства была подтверждена Конституционным Судом РФ, в частности применительно к праву на свидание обвиняемого (подозреваемого) с адвокатом и праву на защиту адвокатской тайны (постановление от 25 октября 2001 г. № 14-П, определения от 6 июля 2000 г. № 128-О, от 6 марта 2003 г. № 108-О, от 29 мая 2007 г. № 516-О-О).

Часть шестая ст. 82 УИК РФ и п. 6 ст. 14 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» позволяют администрации исправительного учреждения принять решение о проведении личного досмотра и в отношении адвоката. Однако такое решение – исходя из повышенных гарантий защиты статуса адвоката – может иметь место, только если администрация исправительного учреждения располагает данными, позволяющими полагать наличие у него запрещенных к проносу на территорию исправительного учреждения предметов. При этом необходимость личного досмотра должна быть подтверждена указанием как на правовые, так и на фактические основания его проведения, а ход и результаты – письменно фиксироваться, с тем чтобы лицу, в отношении которого проводится личный досмотр, была обеспечена возможность судебной проверки законности и обоснованности соответствующих действий.

Правило, согласно которому защитник не вправе участвовать в производстве по уголовному делу, если он ранее участвовал в нем в качестве свидетеля, исключает возможность допроса защитника в качестве свидетеля об обстоятельствах и фактах, ставших ему известными в рамках профессиональной деятельности по оказанию юридической помощи.

(Определение Конституционного Суда РФ от 29 мая 2007 г. № 516-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалоб граждан Гольдмана Александра Леонидовича и Соколова Сергея Анатольевича на нарушение их конституционных прав ст. 29, п. 3 ч. 2 ст. 38, п. 2 и 3 ч. 3 ст. 56 и п. 1 ч. 1 ст. 72 Уголовно-процессуального кодекса РФ)

По мнению заявителей, положения п. 3 ч. 2 ст. 38 и п. 1 ч. 1 ст. 72 УПК, как допускающие возможность допроса адвоката в качестве свидетеля без судебного решения и его отстранения на этом основании от участия в производстве по уголовному делу, нарушают права, гарантированные ст. 48 (ч. 1) и 51 (ч. 2) Конституции РФ.

С.А. Соколов, кроме того, просит признать не соответствующими ст. 37 (ч. 1), 48 (ч. 1) и 51 (ч. 2) Конституции РФ ст. 29 и п. 2 и 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ, как допускающие возможность допроса в качестве свидетеля адвоката – защитника обвиняемого по усмотрению следователя без вынесения о том судебного решения.

Конституционный Суд РФ, изучив представленные заявителями материалы, не нашел оснований для принятия данных жалоб к рассмотрению.

Исходя из недопустимости совмещения процессуальной функции защитника с обязанностью давать свидетельские показания по уголовному делу, в котором он участвует, федеральный законодатель закрепил в п. 1 ч. 1 ст. 72 УПК РФ правило, согласно которому защитник не вправе участвовать в производстве по уголовному делу, если он ранее участвовал в нем в качестве свидетеля. Это правило не может препятствовать участию в уголовном деле избранного обвиняемым защитника, ранее не допрашивавшегося в ходе производства по делу, так как исключает возможность допроса последнего в качестве свидетеля об обстоятельствах и фактах, ставших ему известными в рамках профессиональной деятельности по оказанию юридической помощи, независимо от времени и обстоятельств получения им таких сведений (определение Конституционного Суда РФ от 6 июля 2000 г. № 128-О).

Обыск в служебном помещении адвоката или адвокатского образования не может быть произведен без специального судебного решения.

(Определение Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2005 г. № 439-О по жалобе граждан С.В. Бородина, В.Н. Буробина, А.В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав ст. 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса РФ)

По мнению заявителей, статьи 7, 29, 182 и 183 УПК РФ, как не предусматривающие обязательное получение решения суда для производства обыска и выемки в помещениях, используемых для адвокатской деятельности, исключают возможность применения в таких случаях п. 3 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ограничивают возможность соблюдения адвокатской тайны и тем самым влекут ущемление гарантированных Конституцией РФ права на неприкосновенность частной жизни (ч. 1 ст. 23), права адвоката на занятие избранной деятельностью (ч. 1 ст. 37) и права каждого на получение квалифицированной юридической помощи (ч. 1 ст. 48).

Статья 7 УПК РФ ранее уже была предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ. В сохраняющем свою силу постановлении от 29 июня 2004 г. № 13-П Конституционный Суд РФ признал, что федеральный законодатель вправе установить приоритет УИК РФ перед иными федеральными законами в регулировании уголовно-процессуальных отношений. В случае коллизии законов приоритет УИК РФ действует лишь при условии, что речь идет о правовом регулировании уголовно-процессуальных отношений.

Приоритет УИК РФ перед другими федеральными законами не является безусловным... О безусловном приоритете норм уголовно-процессуального законодательства не может идти речь и в случаях, когда в иных (помимо УПК РФ) законодательных актах устанавливаются дополнительные гарантии прав и законных интересов отдельных категорий лиц, обусловленные в том числе их особым правовым статусом. В силу ст. 18 Конституции РФ разрешение в процессе правоприменения коллизий между различными правовыми актами должно осуществляться исходя из того, какой из этих актов предусматривает больший объем прав и свобод граждан и устанавливает более широкие их гарантии.

Таким образом, ст. 7 УПК РФ по своему конституционно-правовому смыслу не исключает применение в ходе производства процессуальных действий норм иных – помимо УПК РФ – законов, если этими нормами закрепляются гарантии прав и свобод участников соответствующих процессуальных действий, а потому не может расцениваться как нарушающая конституционные права заявителей.

В силу п. 3 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» проведение следственных действий, включая производство всех видов обыска, в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности) допускается только по судебному решению, отвечающему, как следует из ч. 4 ст. 7 УПК РФ, требованиям законности, обоснованности и мотивированности, – в нем должны быть указаны конкретный объект обыска и данные, служащие основанием для его проведения, с тем чтобы обыск не приводил к получению информации о тех клиентах, которые не имеют непосредственного отношения к уголовному делу.

Статьи 29 и 182 УПК РФ в части, касающейся определения оснований и порядка производства следственных действий, в том числе обыска, в отношении отдельных категорий лиц, включая адвокатов, не содержат указания на обязательность судебного решения в качестве условия производства обыска в служебных помещениях, используемых для адвокатской деятельности, – они закрепляют прямое требование о получении судебного решения только для производства обыска в жилище. Это, однако, не означает, что ими исключается необходимость получения соответствующего судебного решения в случаях, предусмотренных п. 3 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Положения ст. 7, 29 и 182 УПК РФ в их конституционно-правовом истолковании... и в системном единстве с положениями п. 3 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» не предполагают возможность производства обыска в служебном помещении адвоката или адвокатского образования без принятия об этом специального судебного решения.

Что касается ст. 183 УПК РФ, определяющей основания и порядок производства выемки, то каких-либо доказательств ее применения в деле заявителей не представлено, поэтому Конституционный Суд РФ счел жалобу в этой части недопустимой.

Адвокат вправе дать показания об обстоятельствах, которые стали ему известны или доверены в связи с его профессиональной деятельностью, в случаях, когда сам адвокат и его подзащитный заинтересованы в оглашении тех или иных сведений.

(Определение Конституционного Суда РФ от 6 марта 2003 г. № 108-О по жалобе гражданина Цицкишвили Гиви Важевича на нарушение его конституционных прав п. 2 ч. 3 ст. 56 Уголовно-процессуального кодекса РФ)

По мнению заявителя, п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК РФ, как не позволяющий использовать показания защитника в качестве доказательства по делу не только в случаях, когда это связано с необходимостью соблюдения адвокатской тайны, нарушает его право на получение квалифицированной юридической помощи, гарантированное ст. 48 Конституции РФ, а также противоречит принципу состязательности и равноправия сторон, закрепленному ст. 123 (ч. 3) Конституции РФ.

Предусмотренное п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК РФ освобождение защитника от обязанности свидетельствовать об обстоятельствах, которые стали ему известны или доверены в связи с его профессиональной деятельностью, служит обеспечению интересов обвиняемого и является гарантией беспрепятственного выполнения защитником возложенных на него функций; в этом заключается смысл и предназначение указанной нормы. Такое понимание адвокатского иммунитета вытекает из правовой позиции Конституционного Суда РФ, сформулированной в определении от 6 июля 2000 г. № 128-О.

Следовательно, в вопросе о конституционности п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК РФ неопределенность отсутствует, а значит, отсутствует и предусмотренное ч. 2 ст. 36 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» основание для принятия данной жалобы к рассмотрению.

Освобождая адвоката от обязанности свидетельствовать о ставших ему известными обстоятельствах в случаях, когда это вызвано нежеланием разглашать конфиденциальные сведения, п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК РФ вместе с тем не исключает его право дать соответствующие показания в случаях, когда сам адвокат и его подзащитный заинтересованы в оглашении тех или иных сведений. Данная норма также не служит для адвоката препятствием в реализации права выступить свидетелем по делу при условии изменения впоследствии его правового статуса и соблюдения прав и законных интересов лиц, доверивших ему информацию.

В подобных случаях суды не вправе отказывать в даче свидетельских показаний лицам, перечисленным в ч. 3 ст. 56 УПК РФ, в том числе защитникам обвиняемого и подозреваемого, при заявлении ими соответствующего ходатайства.

Адвокат не может быть допрошен в качестве свидетеля об обстоятельствах и фактах, ставших ему известными в рамках профессиональной деятельности по оказанию юридической помощи, независимо от времени и обстоятельств получения им таких сведений.

(Определение Конституционного Суда РФ от 6 июля 2000 г. № 128-О по жалобе гражданина Паршуткина Виктора Васильевича на нарушение его конституционных прав и свобод п. 1 ч. 2 ст. 72 УПК РСФСР и ст. 15 и 16 Положения об адвокатуре РСФСР)

Несмотря на имеющееся соглашение и ордер юридической консультации, следователь не допустил Е.Ю. Львову к участию в деле в качестве защитника В.В. Паршуткина, сославшись на необходимость ее допроса в качестве свидетеля о являющихся предметом расследования по этому уголовному делу обстоятельствах оказания ею юридической помощи В.В. Паршуткину в ходе их совместной работы.

В силу прямого указания ч. 1 ст. 67 УПК РСФСР и ст. 16 Положения об адвокатуре РСФСР участие адвоката в деле исключается, только если ранее он допрашивался по данному делу в качестве свидетеля. Однако, как следует из жалобы, адвокат Е.Ю. Львова к тому моменту, когда она оформила поручение и приняла на себя защиту В.В. Паршуткина, как свидетель в данном деле не участвовала, не допрашивалась, и, следовательно, названное законное основание для отказа ей в допуске к участию в деле или отстранения ее от защиты отсутствовало.

Норма, содержащаяся в п. 1 ч. 2 ст. 72 УПК РСФСР, и корреспондирующие ей нормы ст. 15 и 16 Положения об адвокатуре РСФСР освобождают адвоката от обязанности давать свидетельские показания об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с выполнением обязанностей защитника или представителя в уголовном деле. Уголовно-процессуальное законодательство, не устанавливая каких-либо исключений из этого правила в зависимости от времени получения адвокатом сведений, составляющих адвокатскую тайну, не ограничивает их сведениями, полученными лишь после того, как адвокат был допущен к участию в деле в качестве защитника обвиняемого.

Положения ч. 2 ст. 72 УПК РСФСР и ст. 15 и 16 Положения об адвокатуре РСФСР с учетом их конституционно-правового смысла, подтвержденного в настоящем определении, не нарушают конституционные права и свободы гражданина В.В. Паршуткина и не могут препятствовать допуску к участию в уголовном деле избранного им защитника, так как исключают возможность допроса последнего в качестве свидетеля об обстоятельствах и фактах, ставших ему известными в рамках профессиональной деятельности по оказанию юридической помощи, независимо от времени и обстоятельств получения им таких сведений.

Положение закона о порядке допуска к государственной тайне не может быть применено к адвокату, участвующему в уголовном судопроизводстве в качестве защитника; отстранение его от участия в деле в связи с отсутствием допуска к государственной тайне не соответствует Конституции РФ.

(Постановление Конституционного Суда РФ от 27 марта 1996 г. № 8-П по делу о проверке конституционности ст. 1 и 21 Закона РФ от 21 июля 1993 г. «О государственной тайне» в связи с жалобами граждан В.М. Гурджиянца, В.Н. Синцова, В.Н. Бугрова и А.К. Никитина)

Обжалуемая заявителями ст. 21 Закона РФ «О государственной тайне» устанавливает, что допуск должностных лиц и граждан к государственной тайне осуществляется в добровольном порядке по решению руководителя органа государственной власти, предприятия, учреждения или организации после проведения соответствующих проверочных мероприятий.

Устанавливаемый данной статьей порядок носит характер общего правила, не исключающего, однако, возможности использования иных способов доступа к государственным секретам и защиты государственной тайны, само существование которых обусловлено, в частности, особенностями правового статуса отдельных категорий лиц, вытекающего из Конституции РФ или непосредственно предусмотренного законом.

Порядок производства по уголовным делам, как это установлено ст. 1 УПК РСФСР (с изменениями и дополнениями, внесенными в него на момент рассмотрения настоящего дела, т.е. уже после принятия Закона РФ «О государственной тайне»), является единым и обязательным по всем уголовным делам и для всех судов, органов прокуратуры, предварительного следствия и дознания и определяется именно данным Кодексом, а не каким-либо иным федеральным законом. Следовательно, порядок участия адвоката в уголовном судопроизводстве, в том числе по делам, связанным со сведениями, составляющими государственную тайну, также определяется именно названным Кодексом.

УПК РСФСР не содержит требований о какой-либо предварительной проверке адвоката и особом разрешении на участие в такого рода делах, что согласуется с положениями Конституции РФ. Таким образом, обжалуемое положение о порядке допуска к государственной тайне не может быть применено и к адвокату, участвующему в уголовном судопроизводстве в качестве защитника.

...Законодатель, определяя средства и способы защиты государственной тайны, должен использовать лишь те из них, которые в конкретной правоприменительной ситуации исключают возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина. В рамках уголовного судопроизводства такими средствами могут, в частности, выступать проведение закрытого судебного заседания, предупреждение участников процесса о неразглашении государственной тайны, ставшей им известной в связи с производством по уголовному делу, и привлечение этих лиц к уголовной ответственности в случае ее разглашения. Сохранность государственной тайны в уголовном судопроизводстве обеспечивается также нормами Положения об адвокатуре РСФСР, утвержденного Законом РСФСР от 20 ноября 1980 г., которыми предусматривается обязанность адвоката хранить профессиональную тайну, не допускать проступков, не совместимых с пребыванием в коллегии, быть образцом безукоризненного поведения (ст. 13, 16).

В отношении ст. 21 Закона РФ «О государственной тайне» Суд указал, что она соответствует Конституции РФ, но распространение положений данной статьи на адвокатов, участвующих в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, и отстранение их от участия в деле в связи с отсутствием допуска к государственной тайне не соответствует Конституции РФ, ее ст. 48 и 123 (ч. 3).

Конституционный Суд Российской Федерации

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

21 октября 2008 г. **№ 673-О-О**

ОБ ОТКАЗЕ В ПРИНЯТИИ К РАССМОТРЕНИЮ ЖАЛОБЫ ГРАЖДАН КРЮКОВА ВИКТОРА ФЁДОРОВИЧА И ЗАБЕЛИНА НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА НА НАРУШЕНИЕ ИХ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ПОЛОЖЕНИЯМИ СТАТЕЙ 7, 29, 176, 177 И 450 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Конституционный Суд Российской Федерации в составе председателя В.Д. Зорькина, судей Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, Г.А. Жилина, С.М. Казанцева, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Н.В. Селезнева, А.Я. Сливы, В.Г. Стрекозова, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева,

рассмотрев по требованию граждан В.Ф. Крюкова и Н.Г. Забелина вопрос о возможности принятия их жалобы к рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации,

установил:

1. Старшим следователем отдела по расследованию особо важных дел Следственного управления Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации по Курской области в служебном помещении Курской коллегии адвокатов «Защитник» был произведен осмотр места происшествия. Основанием к производству данного следственного действия послужило заявление о привлечении граждан В.Ф. Крюкова и Н.Г. Забелина – адвокатов названной коллегии – к уголовной ответственности, а также сообщение Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Курской области о совершении указанными адвокатами преступления в служебном помещении коллегии. Уголовное дело при этом возбуждено не было. В ходе производства осмотра старшим следователем были изъяты предметы и документы, содержащие, по утверждению заявителей, сведения, составляющие адвокатскую тайну. Считая, что осмотр в служебном помещении, используемом для адвокатской деятельности, в силу пункта 3 статьи 8 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» мог быть произведен только на основании судебного решения, адвокаты обжаловали действия старшего следователя в суд, который, однако, признал их законными, сославшись на положения статей 7, 29, 176, 177 и 450 УПК Российской Федерации и указав, что уголовно-процессуальный закон обладает приоритетом перед Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», поэтому применение статьи 8 этого Федерального закона должно осуществляться с учетом требований Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

По мнению заявителей, положения статей 7, 29, 176, 177 и 450 УПК Российской Федерации, как не предусматривающие обязательное получение судебного решения для производства в помещениях, используемых для адвокатской деятельности, осмотра места происшествия до возбуждения уголовного дела, исключают применение в таких случаях пункта 3 статьи 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ограничивая возможность соблюдения адвокатской тайны, и тем самым влекут ущемление гарантированных Конституцией Российской Федерации права на неприкосновенность частной жизни (статья 23, часть 1), права адвоката на занятие избранной деятельностью (статья 37, часть 1) и права каждого на получение квалифицированной юридической помощи (статья 48, часть 1).

2. Конституционный Суд Российской Федерации, изучив представленные заявителями материалы, не находит оснований для принятия их жалобы к рассмотрению.

В своем определении от 8 ноября 2005 года № 439-О Конституционный Суд Российской Федерации, опираясь на ранее сформулированную им позицию, отметил, что приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации перед другими федеральными законами не является безусловным. В частности, он может быть ограничен правилами о том, что в случае коллизии между различными законами равной юридической силы приоритетными признаются последующий закон и закон, который специально предназначен для регулирования соответствующих отношений. Более того, о безусловном приоритете норм уголовно-процессуального законодательства не может идти речь и в случаях, когда в иных (помимо Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, закрепляющего общие правила уголовного судопроизводства) законодательных актах устанавливаются дополнительные гарантии прав и законных интересов отдельных категорий лиц, обусловленные в том числе их особым правовым статусом. Разрешение же в процессе правоприменения коллизий между различными правовыми актами должно осуществляться исходя из того, какой из этих актов предусматривает больший объем прав и свобод граждан и устанавливает более широкие их гарантии.

Поскольку адвокатская тайна подлежит обеспечению и защите не только в связи с производством по уголовному делу, но и в связи с реализацией своих полномочий адвокатом, участвующим в качестве представителя в конституционном, гражданском и административном производстве, а также оказывающим гражданам и юридическим лицам консультативную помощь, федеральный законодатель был вправе осуществить соответствующее регулирование не в отраслевом законодательстве, а в специальном законе, каковым является Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Данным Федеральным законом определяется понятие адвокатской тайны и устанавливаются гарантии ее сохранения, в частности в виде предварительного судебного контроля: в силу пункта 3 его статьи 8 проведение следственных действий в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности) допускается только на основании судебного решения.

Отсутствие же в статьях 7, 29, 176, 177 и 450 УПК Российской Федерации прямого указания на необходимость получения судебного решения в качестве условия для осуществления следственных действий в отношении адвоката не может рассматриваться как исключающее обязательность соответствующего судебного решения в случаях, предусмотренных пунктом 3 статьи 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Приведенные в названном определении правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации сохраняют свою силу и являются, согласно статье 6 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», обязательными на всей территории Российской Федерации для всех органов государственной власти и органов местного самоуправления. Проверка же законности и обоснованности правоприменительных решений не относится к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, как она определена в статье 125 Конституции Российской Федерации и статье 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 3 части первой статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

определил:

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы граждан Крюкова Виктора Фёдоровича и Забелина Николая Григорьевича, поскольку по предмету обращения Конституционным Судом Российской Федерации ранее было вынесено решение, сохраняющее свою силу.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

Председатель Конституционного Суда Российской Федерации
В.Д. ЗОРЬКИН
Судья-секретарь Конституционного Суда Российской Федерации
Ю.М. ДАНИЛОВ

НАШ КОММЕНТАРИЙ

КРАЙНЕ ВАЖНОЕ РАЗЪЯСНЕНИЕ

Юрий ПИЛИПЕНКО, вице-президент ФПА РФ

Определение КС РФ от 21 октября 2008 г. № 673-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Крюкова Виктора Фёдоровича и Забелина Николая Григорьевича на нарушение их конституционных прав положениями статей 7, 29, 176, 177 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» представляется крайне важным для адвокатского дела, для адвокатского сообщества, для нашей повседневной деятельности. Кто не знает случаев, когда в служебных помещениях у коллег проводились обыски, осуществлялись выемки! И все это без судебного решения, несмотря на прямое указание в Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Аргументация у следователей и иных правоохранительных сотрудников, а очень часто и у судей, к которым с соответствующими жалобами обращались подвергнувшиеся беззаконию адвокаты, сводилась к формальному объяснению, что, мол, кроме УПК РФ, который для них что Библия, иных законов нет и руководствоваться ими нет никаких оснований.

Сама по себе такая позиция – либо верх лукавства, недопустимого на государственной службе, либо верх безграмотности, столь же недопустимой для людей с высшим юридическим образованием. Впрочем, теперь уже нет смысла давать оценку доводам наших процессуальных противников. Для нас важно, что КС четко, ясно и недвусмысленно указал, что приоритет УПК перед другими федеральными законами не является безусловным, то есть и другие нормы права в определенных ситуациях могут быть примененными. При этом Суд разъяснил, что есть несколько критериев определения первичности применения той или иной нормы.

1. Характер регулирования. В случае коллизии между различными законами приоритетным признается закон, который специально предназначен для регулирования соответствующих отношений.

2. Время принятия той или иной нормы права. Приоритет имеет закон, принятый позже.

3. Главное – объем прав граждан и их гарантии. Предпочтение отдается тому акту, в котором установлены дополнительные права и гарантии лиц, обусловленные в том числе их особым правовым статусом.

Немного досадно, что это, казалось бы, простое правило, которое должно быть усвоено будущим юристом еще на втором или третьем курсе института, Конституционному Суду приходится разъяснять на шестом году существования Федерального закона об адвокатуре, содержащего специальные нормы, устанавливающие адвокатский иммунитет. Но отрадно, что теперь есть позиция, сформулированная не самими адвокатами, а высшим судебным органом страны. АГ

АДВОКАТСКАЯ ТАЙНА В СВЕТЕ ПРАКТИКИ ЕСПЧ

Григорий ДИКОВ,
юрист секретариата Европейского суда по правам человека

Развернутые тезисы выступления на конференции «Адвокатская тайна» в Федеральной палате адвокатов

Фото: «АГ»

Предлагаемое вашему вниманию выступление посвящено защите адвокатской тайны в прецедентном праве в рамках Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Европейский суд (далее – ЕСПЧ, Суд) накопил богатую практику по этой теме. Естественно, она не всеобъемлюща – в ней есть серьезные лакуны, и легко предположить, что какие-то ситуации, с которыми встречались российские адвокаты, не нашли своего отражения в делах ЕСПЧ. Более того, у кого-то практика Суда по этим вопросам может создать впечатление «осыпавшейся мозаики», в которой недостает важных элементов. Однако прецедентное право Конвенции все-таки позволяет понять общий подход Суда к этим вопросам, его метод анализа. Моя задача – дать представление об этом методе.

Заявители в делах, касающихся адвокатской тайны, чаще всего ссылаются на ст. 6 и 8 Конвенции. Для ст. 6 Конвенции, гарантирующей право на справедливое судебное разбирательство, фигура адвоката вообще является центральной. Однако эта статья (если говорить о ее «уголовно-правовой» ипостаси) защищает обвиняемого, а не его защитника. Адвокат не может пожаловаться от своего имени на вмешательство в его профессиональную тайну при рассмотрении уголовного дела. Тем не менее такое вмешательство может стать причиной, по которой разбирательство в отношении его клиента будет признано Европейским судом несправедливым.

Наряду со ст. 6 Конвенции, адвокатская тайна в определенной мере защищается ст. 8, гарантирующей тайну переписки и неприкосновенность жилища. Здесь субъектом защиты может быть уже как сам адвокат, так и его клиент.

Иногда вопрос об участии адвоката также ставится в контексте § 4 ст. 5, гарантирующего судебный порядок рассмотрения вопроса о мере пресечения. Наконец, проблематика адвокатской тайны может возникать и в делах по другим статьям Конвенции (например, по ст. 10, гарантирующей право свободно распространять и получать информацию). Однако в рамках предлагаемого выступления я сосредоточусь именно на ст. 5, 6 и 8, и мы обсудим три основные темы: условия встреч адвоката и его заключенного клиента, тайну адвокатской переписки и неприкосновенность рабочего помещения адвоката.

Встречи адвоката с заключенным

Во многих европейских странах существуют (или существовали) положения, ограничивающие в той или иной степени конфиденциальность встреч адвоката с его клиентом, особенно на начальных этапах расследования. Сам текст Европейской конвенции не указывает, что встречи между обвиняемым и его адвокатами должны происходить с глазу на глаз (в Американской конвенции по правам человека такое требование есть). Однако Суд достаточно давно решил, что любые ограничения конфиденциальности будут предметом очень тщательного рассмотрения. Суд оценивал эту практику как в контексте процесса целиком, т.е. с точки зрения ст. 6 Конвенции, так и в контексте производства по мере пресечения, т.е. с точки зрения ст. 5.

«Классическим» решением в этом смысле является решение по делу С. против Швейцарии. Заявитель подозревался в терроризме – поджогах государственных зданий и хранении взрывчатки. В течение первых месяцев после задержания его встречи с адвокатом проходили под наблюдением полицейских, которые могли слышать разговоры адвоката и заключенного. Более того, три письма адвокату были изъяты и использовались в дальнейшем для проведения графологической экспертизы. Также полиция изъяла у адвоката документы, относящиеся к делу, которые тот пытался передать своему подзащитному. Прокуратура ссылалась на риск того, что заявитель через своего адвоката вступит в сговор с другими обвиняемыми. Власти также ссылались на то, что заявитель отказался дать показания, что, соответственно, повышало риск сговора с целью выработать единую линию защиты.

Европейский суд, рассматривая эти ограничения, отметил, что риск сговора не был подтвержден никакими фактами. Адвокат заявителя не был обвинен в каком-то конкретном нарушении закона или даже профессиональной этики; что касается выработки общей позиции по делу, то это является естественным приемом адвокатской защиты, в котором нет ничего противозаконного. Суд указал, что право на конфиденциальное свидание с адвокатом является одним из самых базовых требований § 3 (с) ст. 6, гарантирующего право на юридическую помощь. Суд также отметил, что ограничения на свидания с адвокатом длились около семи месяцев. В результате было найдено нарушение § 3 (с) ст. 6 Конвенции.

Это не значит, что ограничения конфиденциальности встреч всегда будут приводить к нарушению Конвенции. Так, Европейская комиссия по правам человека (орган, который может считаться одним из предшественников нынешнего Суда) в деле Кемперс против Австрии не нашла нарушения § 3 (с) ст. 6. Заявитель в этом деле вместе с сообщниками пытался продать пять килограммов кокаина и был арестован. У заявителя был адвокат, но судья, ведущий дело, распорядился, что все встречи с адвокатом будут проходить в его, судьи, присутствии. Судья указал на то, что с учетом характера обвинений существовал серьезный риск сговора между соучастниками преступления, которые продолжали находиться на свободе. Эта мера длилась около двух месяцев, затем ограничения были сняты, и у заявителя было еще несколько месяцев на подготовку к судебному процессу. Комиссия признала неприемлемой жалобу заявителя на ограничение конфиденциальности. Комиссия отметила тот факт, что в конечном итоге у заявителя было много времени для встреч с адвокатом в условиях конфиденциальности. Комиссия также согласилась с выводами внутренних судов о том, что в этом деле существовал высокий риск сговора между заявителем и его еще не пойманными соучастниками.

Что заставило Комиссию принять аргументы государства – ответчика в этом деле? Аргументация Комиссии была очень краткой, поэтому на этот вопрос трудно ответить определенно – возможно, сам характер преступления сыграл решающую роль. Надо сказать, что в последующие годы Суд отошел от этой практики и стал рассматривать меры, ограничивающие конфиденциальность, более пристально. Так, в деле Ланц против Австрии Суд пришел к выводу о нарушении § 3 (с) ст. 6 на том основании, что заявитель, в отличие от дела Кемперс, не был участником организованной банды. К тому же риск сговора, на котором основывались внутренние суды, уже был использован как аргумент для предварительного заключения заявителя. Суд решил, что нельзя одним и тем же аргументом оправдывать две разные меры – предварительное заключение и ограничение конфиденциальности свиданий. Хотя почему нет? Этот аргумент Суда выглядит неубедительно.

Перечисленные выше дела не вполне позволяют определить список критериев, которыми руководствуется Суд при рассмотрении такого рода ситуаций. Анализируя такие ситуации, Суд часто ссылается на характер преступления и длительность действия ограничений. Однако очевидно, что эти факторы не являются решающими – достаточно сравнить дела Кемперс (наркоторговля, несколько месяцев – нет нарушения) и Бреннан против Соединенного Королевства (терроризм, 48 часов – есть нарушение). В деле Бреннан против Соединенного Королевства Европейский суд отметил, что вмешательство (присутствие офицера полиции во время встреч заявителя с адвокатом) длилось только 48 часов и касалось периода непосредственно после ареста заявителя. Тем не менее Суд пришел к выводу о нарушении § 3 (с) ст. 6 Конвенции. В этом деле заявитель подозревался в принадлежности к Ирландской республиканской армии и в совершении террористических актов. Позволю себе предположить, что дело Кемперс было из ряда вон выходящим и что практика в настоящее время достаточно определенно склоняется к признанию того, что конфиденциальность личного общения заключенного с его адвокатом является «почти абсолютным» требованием ст. 5 и 6 Конвенции. Преодоление этой «презумпции конфиденциальности» возможно только в исключительных условиях. То, какие условия являются «исключительными», может подсказать практика в отношении переписки адвоката и заключенных, но это уже тема следующего раздела. АГ

Продолжение следует

Официальная позиция Европейского суда может не совпадать с мнением автора. С полным текстом решений Европейского суда и Европейской комиссии по этой теме можно ознакомиться на сайте www.echr.coe.int/hudoc.

АРЕНДА ПОМЕЩЕНИЙ БЕЗ ТОРГОВ

Юрий САМКОВ,
руководитель управления ФПА по адвокатуре и адвокатской деятельности

Аренда государственных и муниципальных помещений адвокатскими образованиями возможна без проведения торгов

Со 2 июля 2008 г. вступили в силу положения ст. 17.1 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции», согласно которой договоры аренды государственного или муниципального имущества могут быть заключены только по результатам проведения конкурсов или аукционов на право заключения таких договоров.

По этой причине адвокатским образованиям повсеместно стали отказывать в пролонгации договоров аренды государственных и муниципальных помещений.

24 декабря 2008 г. Федеральная палата адвокатов обратилась к руководителю Федеральной антимонопольной службы И.Ю. Артемьеву с письмом, в котором просила рассмотреть возможность предоставления адвокатским образованиям права аренды государственных и муниципальных помещений без проведения торгов.

После этого на интернет-сайте Федеральной антимонопольной службы было опубликовано в качестве ответов на вопросы разъяснение по применению статьи 17.1 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

В п. 7 разъяснений сказано, что передача государственного или муниципального имущества физическим лицам, не являющимся индивидуальными предпринимателями, осуществляется без проведения торгов, предусмотренных ст. 17.1 Закона о защите конкуренции, и без предварительного согласования с антимонопольным органом.

Это касается, в частности, адвокатов, осуществляющих адвокатскую деятельность в адвокатских кабинетах.

Действие статьи 17.1 Закона о защите конкуренции также не распространяется на случаи заключения договоров, предусматривающих переход прав владения и (или) пользования на государственное или муниципальной имущество некоммерческим организациям, которые не осуществляют деятельность, приносящую им доход, – предпринимательскую деятельность, то есть не являются хозяйствующими субъектами.

К таким некоммерческим организациям могут быть отнесены адвокатские образования, которые в период аренды государственных или муниципальных помещений не осуществляли деятельность, приносящую доход.

Более подробно с указанным разъяснением Федеральной антимонопольной службы можно ознакомиться на сайте Федеральной палаты адвокатов (www.fparf.ru). АГ

РАЗЪЯСНЕНИЯ ФАС РОССИИ

по применению ст. 17.1 «Об особенностях порядка заключения договоров в отношении государственного и муниципального имущества» Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»

<...>

7. Передача государственного и (или) муниципального имущества во владение и (или) пользование физическим лицам и некоммерческим организациям, не являющимся хозяйствующими субъектами.

В соответствии со ст. 3 Закона о защите конкуренции действие указанного закона распространяется на отношения, которые связаны с защитой конкуренции, в том числе с предупреждением и пресечением монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции.

В соответствии с п. 7 ст. 4 Закона о защите конкуренции конкуренция представляет собой соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке.

В соответствии с п. 5 ст. 4 Закона о защите конкуренции под хозяйствующим субъектом понимается индивидуальный предприниматель, коммерческая организация, а также некоммерческая организация, осуществляющая деятельность, приносящую ей доход.

Таким образом, действие ст. 17.1 Закона о защите конкуренции не распространяется на случаи, когда стороной по договору о передаче имущества, которая получает право владения и (или) пользования государственного или муниципального имущества, выступают физические лица, не являющиеся индивидуальными предпринимателями. Передача государственного или муниципального имущества физическим лицам, не являющимся индивидуальными предпринимателями, осуществляется без проведения торгов, предусмотренных ст. 17.1 Закона о защите конкуренции, и без предварительного согласования с антимонопольным органом.

При этом действие ст. 17.1 Закона о защите конкуренции распространяется на случаи, когда стороной по договору о передаче государственного и (или) муниципального имущества, которая получает право владения и (или) пользования государственного или муниципального имущества, выступает физическое лицо – индивидуальный предприниматель, в случае если им осуществляется деятельность, приносящая доход.

Действие ст. 17.1 Закона о защите конкуренции также не распространяется на случаи заключения договоров, предусматривающих переход прав владения и (или) пользования на государственное или муниципальное имущество некоммерческим организациям, которые не осуществляют деятельность, приносящую им доход, – предпринимательскую деятельность, то есть не являются хозяйствующими субъектами.

Вместе с тем, поскольку в соответствии со ст. 50 Гражданского кодекса Российской Федерации некоммерческие организации могут осуществлять предпринимательскую деятельность, действие ст. 17.1 Закона о защите конкуренции распространяется на случаи заключения данных договоров с некоммерческими организациями, осуществляющими деятельность, приносящую доход.

Таким образом, если в период владения и (или) пользования государственным или муниципальным имуществом, полученным без торгов некоммерческой организацией, не имеющей статуса хозяйствующего субъекта, организация начнет осуществлять деятельность, приносящую ей доход, орган государственной власти или орган местного самоуправления, который принял решение о передаче организации государственного или муниципального имущества, должен принять меры по прекращению использования данного имущества и по его возврату в целях предоставления такого имущества в соответствии с Законом о защите конкуренции – на торгах или с предварительным согласованием с антимонопольным органом в порядке, установленном главой 5 Закона о защите конкуренции.

При этом ст. 17.1 Закона о защите конкуренции также применяется в случаях, когда некоммерческие организации, являющиеся хозяйствующими субъектами, осуществляют предпринимательскую деятельность без использования предоставленного государственного или муниципального имущества.

ФИЛИАЛЫ ОТЧИТЫВАЮТСЯ НА МЕСТАХ

На заседании Совета ФПА 3 марта член Совета Ольга Ануфриева проинформировала коллег о том, как удалось преодолеть неопределенность в вопросе предоставления налоговой отчетности филиалами адвокатских образований, расположенных в иных населенных пунктах, чем сами образования. Федеральная налоговая служба учла пожелания ФПА в письме от 29 декабря 2008 г. № ШС-6-3/979 «О предоставлении сведений о доходах физических лиц», приложение к которому публикуется ниже.

Приложение к письму Федеральной налоговой службы от 29 декабря 2008 г. № ШС-6-3/979

МИНИСТЕРСТВО ФИНАНСОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПИСЬМО

3 декабря 2008 г. **№ 03-04-07-01/244**

Министерство финансов Российской Федерации рассмотрело письмо о представлении сведений о доходах физических лиц – работников обособленных подразделений организаций и в соответствии со ст. 34.2 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – Кодекс) разъясняет следующее.

В соответствии с подп. 4 п. 3 ст. 24 Кодекса налоговые агенты обязаны представлять в налоговый орган по месту своего учета документы, необходимые для осуществления контроля за правильностью исчисления, удержания и перечисления налогов.

Пунктом 2 ст. 230 Кодекса установлено, что налоговые агенты представляют сведения о доходах физических лиц в налоговый орган по месту своего учета.

Согласно п. 1, 2 и 4 ст. 83 Кодекса организация подлежит постановке на учет в налоговых органах соответственно по месту ее нахождения, месту нахождения ее обособленных подразделений и по иным основаниям, предусмотренным Кодексом. Постановка на учет в налоговом органе организаций осуществляется независимо от наличия обстоятельств, с которыми Кодекс связывает возникновение обязанности по уплате того или иного налога или сбора. Организация, в состав которой входят обособленные подразделения, расположенные на территории Российской Федерации, обязана встать на учет в налоговом органе по месту нахождения каждого своего обособленного подразделения, если эта организация не состоит на учете в налоговом органе по месту нахождения этого обособленного подразделения по основаниям, предусмотренным Кодексом. В случае если несколько обособленных подразделений организации находятся в одном муниципальном образовании на территориях, подведомственных разным налоговым органам, постановка организации на учет может быть осуществлена налоговым органом по месту нахождения одного из ее обособленных подразделений, определяемым организацией самостоятельно.

Обязанность налоговых агентов представлять сведения о доходах физических лиц в налоговый орган по месту своего учета корреспондирует с обязанностью налоговых агентов уплачивать совокупную сумму налога, исчисленную и удержанную налоговым агентом у налогоплательщика, в отношении которого он признается источником дохода, по месту учета налогового агента в налоговом органе. Налоговые агенты – российские организации, имеющие обособленные подразделения, обязаны перечислять исчисленные и удержанные суммы налога как по месту своего нахождения, так и по месту нахождения каждого своего обособленного подразделения. При этом сумма налога, подлежащая уплате в бюджет по месту нахождения обособленного подразделения, определяется исходя из суммы дохода, подлежащего налогообложению, начисляемого и выплачиваемого работникам этих обособленных подразделений (п. 7 ст. 226 Кодекса).

При невозможности удержать у налогоплательщика исчисленную сумму налога налоговый агент обязан в течение одного месяца с момента возникновения соответствующих обстоятельств письменно сообщить о невозможности удержать налог и сумме задолженности налогоплательщика в налоговый орган по месту своего учета (п. 5 ст. 226 Кодекса).

Таким образом, сведения о доходах физических лиц могут представляться налоговым агентом – российской организацией, имеющей обособленные подразделения, в налоговые органы по месту своего нахождения, а обособленным подразделением организации – по месту нахождения обособленного подразделения, в котором работникам этого подразделения производится начисление и выплата дохода.

Заместитель Министра финансов РФ
С.Д. Шаталов

ЗАСЕДАНИЕ СОВЕТА ФПА

Фото: Марина САМАРИ

3 марта состоялось заседание Совета ФПА. Обсуждались вопросы о подготовке к IV Всероссийскому съезду адвокатов; о внесении изменений в Кодекс профессиональной этики адвоката; об аренде помещений, занимаемых адвокатскими образованиями; о практике адвокатских палат субъектов РФ по регулированию примерных тарифов на виды юридической помощи, оказываемой адвокатами гражданам и юридическим лицам; о судебной практике в Нижегородской области по спорам с органом Министерства юстиции РФ; о налоговой отчетности адвокатских образований и их филиалов.

С докладом об актуальных проблемах и текущих вопросах деятельности Федеральной палаты адвокатов РФ выступил президент ФПА Евгений Семеняко. Он проинформировал коллег о ходе совместной работы с Министерством юстиции по разработке законопроекта «О государственной системе юридической помощи в Российской Федерации», отметив, что ряд предложений ФПА уже нашел отражение в концепции законопроекта. Президент рассказал о взаимодействии ФПА и Общественной палаты в вопросах, затрагивающих интересы гражданского общества, в частности, в вопросах участия адвокатуры в создании системы юридической помощи для малообеспеченных граждан и установления единых стандартов юридической деятельности. Он проинформировал членов Совета о том, что благодаря усилиям вице-президента ФПА Генри Резника удалось добиться ясности в отношении аренды государственных и муниципальных помещений, занимаемых адвокатскими образованиями и их филиалами. В соответствии с разъяснением Федеральной антимонопольной службы такие помещения предоставляются адвокатам в аренду без проведения торгов (см. разъяснения ФАС на с. 8).

Члены Совета приняли к сведению заключение председателя экспертно-методической комиссии ФПА Г.К. Шарова о необходимости внесения поправок в Кодекс профессиональной этики адвоката, однако сошлись во мнении о том, что на сегодняшний день действующая редакция Кодекса вполне удовлетворяет требованиям, предъявляемым к юридической практике.

В то же время оживленную дискуссию вызвал вопрос о тарифах на виды юридической помощи, оказываемой адвокатами гражданам и юридическим лицам. О необходимости введения такой тарификации уже неоднократно высказывался председатель ВАС Антон Иванов, связывая его с упрощением порядка исчисления судебных издержек сторон в арбитражном судопроизводстве.

По свидетельству некоторых членов Совета, в ряде палат уже приняты рекомендации по установлению определенных стандартов по оплате тех или иных видов юридической помощи. Как заметил президент Адвокатской палаты Вологодской области Сергей Иванов, это позволило в разы поднять размер компенсации издержек сторон на услуги адвоката. Президент Адвокатской палаты Республики Татарстан Людмила Дмитриевская, напротив, считает, что установление каких бы то ни было тарифов неизбежно приведет к снижению гонораров адвокатов. Несогласие с этой точкой зрения выразил президент Адвокатской палаты г. Москвы Генри Резник. Он заметил, что практика тарификации адвокатских услуг распространена во всех цивилизованных странах, однако она не отменяет права адвоката заключать с клиентом соглашения, в которых бы предусматривался такой размер оплаты труда защитника, который стороны считают взаимоприемлемым.

Подведя итог дискуссии, вице-президент ФПА Юрий Пилипенко предложил коллегам направить в Федеральную палату адвокатов свои предложения и наработки по данному вопросу, заметив, что опыт будет обобщен и Федеральная палата адвокатов сможет предложить сообществу общие рекомендации по тарификации различных видов юридической помощи.

Президент Палаты адвокатов Нижегородской области Николай Рогачёв рассказал о том, что судебный спор палаты с управлением Министерства юстиции о несоответствии отдельных положений Административного регламента Закону об адвокатуре и адвокатской деятельности (см. «АГ» № 03 (044) за 2009 г.) вышел на уровень областного суда. Оставив решение районного суда в силе, служители областной Фемиды «благоразумно» сняли формулировку о несоответствии Административного регламента федеральному законодательству. По мнению Н.Д. Рогачёва, в случае рассмотрения дела Верховным Судом РФ у последнего не будет оснований требовать отмены Регламента как незаконного. Президент ПАНО призвал коллег не допустить положения, при котором бы продолжали действовать нормативные акты, противоречащие законодательству об адвокатуре.

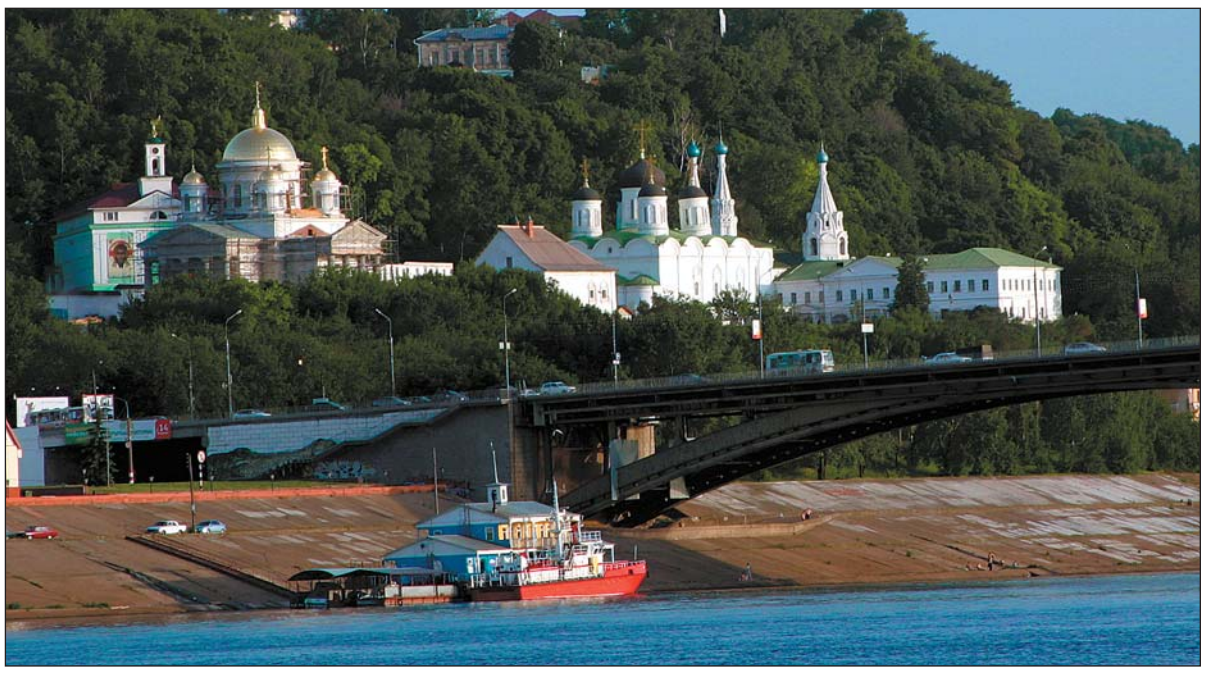
Совет ФПА принял решение проинформировать руководство Министерства юстиции о сложившейся ситуации и предложить устранить противоречия.

Член Совета ФПА Ольга Ануфриева рассказала о том, как удалось преодолеть правовую неопределенность по вопросу представления сведений о доходах адвокатов филиалами адвокатских образований (см. письмо ФНС от 29 декабря 2008 г. № ШС-6-3/979).

На заседании Совета были вручены почетные дипломы ФПА и призы от издательства «ЮРАЙТ» победителям конкурса «Самая читающая палата», показавшим лучшие результаты по подписке на «Новую адвокатскую газету».

В частности, президент ФПА поздравил президента Адвокатской палаты Тамбовской области Надежду Свинцову, чей коллектив занял в конкурсе 1 место, и разделивших 3 место президентов адвокатских палат Кировской области Марину Копырину и Красноярского края Сергея Мальтова. Президента Адвокатской палаты Карачаево-Черкесской Республики Рашида Теунаева редакция поздравит при первом удобном случае. Комплекты книг от издательства «ЮРАЙТ» будут отправлены победителям по почте. АГ

Алексей КОРОЛЁВ



ГОНОРАРНЫЙ ПОТОЛОК – ОН НЕ НИЗОК, НЕ ВЫСОК

Совет Палаты адвокатов Нижегородской области еще в 2006 г. принял решение об утверждении Инструкции «О порядке определения размера гонорара при заключении адвокатами палаты соглашений об оказании юридической помощи (договоров на юридическое обслуживание)».

Формальным поводом для разработки и принятия такого документа послужило обращение в Совет ПАНО нескольких адвокатов. Они просили дать рекомендации по определению размера гонорара в тех случаях, когда таковой не определен законодательно (как, например, это сделано по делам по назначению).

Главным образом это было вызвано необходимостью иметь некую отправную точку, некий критерий определения «разумности» размера гонорара. В первую очередь, конечно же, для того, чтобы внесенный в кассу адвокатского образования гонорар мог быть возмещен клиенту в случае благоприятного для него исхода судебного дела.

Адвокаты не беспочвенно полагали, что подобный документ, разработанный и принятый адвокатским сообществом, внедренный в повседневную практику, постепенно «завоюет признание» в судебных инстанциях и облегчит адвокатам доказывание разумности заявленных на возмещение их труда сумм.

Вторым мотивом для принятия подобного решения стало стремление не только предложить опору на случай возмещения расходов на представителя, но и в целом дать представление адвокатам и клиентам о «масштабе цен». Безусловно, размер гонорара определяется соглашением сторон. Но рекомендации совета и не покушаются на это незыблемое правило. Решение совета палаты содержит рекомендации лишь относительно порядка определения минимального размера гонорара при оказании адвокатами палаты платной юридической помощи физическим и юридическим лицам.

Но данный вопрос не так прост, как это может показаться. Допустим, за дела сходной сложности и объема назначаются гонорары, отличающиеся друг от друга в разы. Всегда ли такой разброс цен обоснован и является отражением исключительно тех факторов, которые объективно влияют на расценки (такие, как квалификация адвоката, его занятость, наличие помощников, необходимость командировок и т.п.)? Очевидно, что гонорарная практика должна быть более-менее единообразной, чтобы по делам одинаковой сложности и одной и той же подсудности не было большого разброса при определении гонорара. Ведь если стороны в соглашении определили гонорар, существенно завышенный по сравнению с разумными ставками, повышается и риск того, что в итоге участники этого соглашения окажутся недовольны друг другом. Как следствие, дело кончится разочарованием, жалобами и дисциплинарным производством.

С другой стороны, если назначается гонорар заметно ниже общепринятого, это наводит на мысль о несерьезном отношении к делу, о низком качестве услуг. Как пояснил президент Палаты адвокатов Нижегородской области Н.Д. Рогачёв, «работа адвоката достаточно сложная, она требует времени, больших интеллектуальных затрат, затрат на образование, стажировку, переподготовку и так далее. Поэтому гонорар не должен быть чрезмерно низким». Принимая решение об утверждении инструкции, совет палаты выразил надежду, что этот документ послужит укреплению престижа адвокатской профессии.

Принятый в Нижегородской области документ – весьма объемный, чтобы воспроизводить его положения. Для тех, кто помнит Инструкцию Министерства юстиции СССР «Об оплате юридической помощи, оказываемой адвокатами гражданам, предприятиям, учреждениям, организациям и кооперативам» от 10 апреля 1991 г., многое станет понятно, если сказать, что нынешняя инструкция разработана по аналогии с этим документом. Не хотелось бы приводить конкретные размеры минимального гонорара, рекомендованного адвокатам к определению за конкретные виды правовой помощи – устные консультации, составление правовых документов, ведение уголовных и гражданских дел. С 2006 г. они определены в МРОТ и, по-видимому, нуждаются в корректировке по прошествии времени. Скажем только, что степень детализации видов правовой помощи в инструкции, принятой советом, достаточно высока – там указаны минимальные расценки и за составление пакета уставных документов, и за брачный контракт, и за предварительный договор. Учтено, например, что ставка за работу в кассационной инстанции для адвоката, вышедшего в дело впервые, выше, нежели для адвоката, участвовавшего в этом деле по первой инстанции. А размер гонорара за работу адвоката в Верховном Суде – увеличивается.

Рекомендации остаются рекомендациями. В тех районах, где платежеспособность населения не очень высока, ссылка на решение совета палаты о размере гонорара в буквальном смысле помогает адвокатам дисциплинировать своих клиентов. В каких-то случаях рекомендации помогают объяснить налоговой инспекции, почему именно таким оказался размер валового гонорара. В остальных случаях они служат надежным ориентиром для адвокатов, подтверждают, что их действия в такой щекотливой сфере, как финансы, не выходят за рамки, признанные приличными их коллегами, адвокатским сообществом региона. АГ

Ирина СИДОРОВА,
адвокат Парижской коллегии,
кабинет Ирины Сидоровой

ГОНОРАР АДВОКАТОВ ВО ФРАНЦИИ

Принцип свободного назначения гонорара

Согласно ст. 10 закона № 71-1130 Французской Республики от 31 декабря 1971 г., реформирующего некоторые судебные и юридические профессии (далее – Закон), гонорар адвоката за консультацию, юридическую помощь, составление юридических документов и выступление в суде устанавливается по договоренности с клиентом. На основании Закона размер гонорара свободно обсуждается между адвокатом и клиентом, причем вне зависимости от вида юридических услуг адвоката, будь то судебное представительство или консалтинговая деятельность. Исключение составляет оплата обязательного представительства в суде, которая устанавливается в соответствии с нормативными актами.

Тем не менее принцип свободного назначения гонорара не является абсолютным – в случае оспаривания гонорара клиентом дело передается на рассмотрение особым судебным органам, которые могут вынести решение по сумме гонорара на основании различных критериев, установленных ст. 10 Закона. Сумма гонорара может быть сокращена в судебном порядке, а иногда, например в случае назначения чистого «гонорара успеха», сам факт установления гонорара может быть признан необоснованным.

Во Франции не существует шкалы, позволяющей установить сумму гонорара в зависимости от объема и характера поручения или в зависимости от суммы иска. Установление такой шкалы противоречило бы принципу свободы конкуренции в сфере адвокатских услуг, за соблюдением которого следит европейское антимонопольное право. Тем не менее в целях обеспечения лучшего доступа граждан к правосудию в Министерстве юстиции Франции поставлен вопрос об установлении минимального тарифа оплаты труда адвокатов при оказании юридической помощи в разводах по взаимному согласию. Во Франции развод, – независимо от того, является он спорным или нет, – осуществляется через суд. Национальный совет адвокатских палат Франции предлагает установить следующий минимальный тариф при разводе про взаимному согласию (при отсутствии детей и совместного имущества), если сторонами не оговорено иное: в Париже – 2 x 1000 евро, не включая НДС (19,6 %), в провинции – 2 x 800 евро, не включая НДС (19,6 %).

Критерии для установления суммы гонорара

Согласно § 2 ст. 10 Закона и § 1 ст. 10 Декрета № 2005-790 от 12 июля 2005 г. о профессиональной этике адвоката (далее –

Декрет) при отсутствии договора о гонораре размер гонорара определяется на основании существующих обычаев делового оборота, в зависимости от состояния клиента, сложности дела, размера понесенных адвокатом расходов, степени его известности, а также его усердия, проявленного в деле. На практике при назначении гонорара адвокат дополнительно руководствуется следующими критериями: объем работы, которую ему предстоит выполнить, сумма иска, общие расходы кабинета, в котором практикует адвокат, дополнительные требования клиента и т.д. Эти же критерии применяют и судьи в случае оспаривания гонорара клиентом.

Способы расчета гонорара

В соответствии с § 2 ст. 10 Декрета адвокату разрешается устанавливать сдельную плату за выполняемую работу и получать гонорар на регулярной основе, даже если речь идет о сдельной плате. После заключения договора о сдельной плате адвокат обязан соблюдать его условия до завершения дела и может увеличить сумму гонорара только с согласия клиента.

На практике, как правило, оплата адвокатских услуг производится на основе почасовой ставки, которая устанавливается с помощью указанных выше критериев и является наиболее адекватным способом оценки услуг. При выставлении счета клиенту предоставляется описание выполненных работ с указанием количества затраченного времени.

Сдельная плата применяется при решении относительно простых дел, например при оказании помощи при разводе по взаимному согласию или при создании компаний.

При наличии большого и постоянного объема работ применяется сдельная абонентская плата. В этом случае счет на заранее оговоренную сумму выставляется на регулярной основе – каждый раз по окончании определенного периода времени. Сумма оплаты рассчитывается на основе предварительной оценки времени, которое может быть затрачено на дело в определенный период времени, с учетом почасовой ставки адвоката. Такой способ удобен для клиента тем, что абонентская плата устанавливается единовременно и клиент заранее знает сумму своих расходов.

«Гонорар успеха»

Так называемый «гонорар успеха» – это способ оплаты работы адвоката, при котором размер вознаграждения зависит от результатов рассмотрения дела.

Согласно § 3 ст. 10 Закона работа на условиях чистого «гонорара успеха» не допускается. Согласно судебной практике во Франции этот запрет распространяется как на юридические консультации, так и на судебное представительство. Данный запрет заимствован из римского права и существует также в ряде стран Евросоюза.

Тем не менее законом разрешается комбинированная схема – фиксированная ставка (общая или почасовая), к которой добавляется процент в случае успешного разрешения дела.

Предоплата

С давних времен адвокаты в судебных делах во Франции требовали авансовую оплату своих услуг и расходов и поэтапную оплату работы по мере продвижения дела. Этот обычай был недавно зафиксирован нормативно. Согласно § 1 ст. 11 Декрета адвокат, принимающий работу над делом, может потребовать от клиента авансовой оплаты расходов и гонорара. Однако § 2 той же статьи уточняет, что предоплата не должна превышать разумную предварительную оценку таких расходов и гонорара. Таким образом, адвокат должен проявлять умеренность при определении суммы предоплаты.

На практике адвокаты, как правило, работают на условиях предоплаты с незнакомыми клиентами или при ведении судебных дел. При долгосрочных отношениях счет выставляется на регулярной основе после оказания услуг. В уголовных делах вся сумма гонорара запрашивается заранее, что связано с неплатежеспособностью и «летучестью» большинства клиентов.

Адвокат, не получивший своевременной оплаты, вправе отказаться работать над делом. Однако ст. 13 Декрета предписывает адвокату не навредить при этом интересам клиента. Таким образом, адвокат должен своевременно проинформировать клиента о прекращении своей работы в связи с неуплатой гонорара и не может прекратить свою работу без предупреждения, особенно если речь идет о судебном деле. Несоблюдение этого правила может повлечь за собой применение к адвокату санкций как в профессиональном плане, так и в плане гражданской ответственности.

Договор с клиентом

Закон не предусматривает обязательного заключения договора о гонораре между адвокатом и клиентом. Тем не менее согласно § 2 ст. 10 Декрета адвокат обязан с самого начала работы над делом регулярно предоставлять клиенту информацию о способе определения гонорара и о дальнейшем изменении суммы гонорара. Согласно Декрету эта информация может быть отражена в договоре о гонораре.

Исключение из этого правила составляет случай предоставления адвокатских услуг в рамках страхового полиса по юридическому страхованию, если адвокат не назначен учреждением страхования, а выбран клиентом.

В случае экстренного присутствия адвоката в суде стороны могут обойтись без составления такого договора.

Заключение соглашения является обязательным при использовании комбинированной схемы с включением «гонорара успеха» (§ 3 ст. 10 Закона).

Доказательство факта существования договора о гонораре, а также наличия в нем определенных условий лежит на адвокате. Существование договора о гонораре не может следовать ни из факта получения оплаты адвокатом, ни из свидетельских показаний, что вызывает необходимость заключить договор в письменной форме в случае существования особых условий. Тем не менее согласно судебной практике оказание адвокатом услуг бесплатно не презюмируется и должно быть оговорено особо.

Договор о гонораре может принять форму соглашения, вытекать из обмена письмами между адвокатом и клиентом либо быть выраженным в форме письма адвоката с условиями договора при наличии подписи клиента.

На практике кабинеты адвокатов, работающие с корпоративными клиентами и специализирующиеся в области бизнес-права, систематически заключают письменные договоры. Прочие адвокаты непосредственно предоставляют счет для оплаты или предоплаты.

Судебные коллегии и профессиональные организации Франции призывают всех адвокатов к составлению письменного договора с целью придания гласности финансовых отношений между клиентом и адвокатом.

Получение гонорара

Адвокат вправе затребовать у клиента гонорар за выполненную работу даже в том случае, если клиент решает перепоручить дело до его завершения другому адвокату (§ 1 ст. 10 Декрета).

Прежде чем получить окончательную оплату, адвокат направляет клиенту подробный счет с отдельным указанием судебных расходов и издержек, оплаты обязательного представительства в суде и гонорара. В счет также заносятся все суммы, полученные в качестве аванса. Такой документ может быть затребован у адвоката не только клиентом, но и президентом соответствующей палаты, – поскольку во Франции адвокаты регистрируются и числятся в палатах адвокатов по месту своей профессиональной деятельности, – а также некоторыми судебными органами (ст. 12 Декрета).

Экономическая сторона адвокатской деятельности французских адвокатов регулируется законом № 2001-420 от 15 мая 2001 г. о новом экономическом регулировании, согласно которому адвокат должен выставить счет в форме, предписываемой Торговым кодексом Франции. Согласно ст. L. 441-3 этого кодекса счет должен содержать следующие сведения:

– информацию об адвокате – название кабинета или имя адвоката, адрес и т.д.;

– информацию о клиенте – название или имя клиента и его адрес. Счет должен выставляться исключительно на имя клиента, которому оказываются адвокатские услуги;

– дату оказания услуг;

– описание услуг;

– сумму стоимости услуг до начисления НДС, процентную ставку и сумму НДС, общую сумму стоимости услуг. Если на счете НДС не указан, то он считается включенным в стоимость услуг;

– указание на срок оплаты счета. При отсутствии такого указания счет подлежит оплате по получении.

Счет составляется в двух экземплярах и хранится у клиента и у адвоката.

Несоблюдение вышеуказанных условий наказывается штрафом в размере 75 000 евро (ст. L. 441-4 Торгового кодекса Франции).

На практике адвокат кратко указывает род оказанных услуг в счете и прикладывает к нему подробное указание выполненной работы в отдельном документе. В случае налогового или таможенного контроля проверяющим органам передается сам счет за исключением приложения с описанием услуг, на которое распространяется профессиональная тайна.

Споры по гонорару

Все споры относительно гонорара в первой инстанции подлежат рассмотрению президентом палаты адвокатов, в которой зарегистрирован адвокат. Решение президента палаты является обязательным для исполнения и служит основанием для принудительного взыскания после наложения соответствующей визы первого президента суда большой инстанции, если оно не было обжаловано в течение месяца после нотификации. В случае обжалования решение выносится первым президентом апелляционного суда. Наконец, постановление апелляционного суда может быть обжаловано в последней инстанции – кассационном суде.

Сроки исковой давности по гонорару адвоката

Иск по требованиям, связанным с гонораром адвоката, может быть предъявлен в течение пяти лет (закон № 2008-561 от 17 июня 2008 г.). В отношении гонорара за услуги, оказанные до 19 июня 2008 г., применяются комбинированные сроки давности. АГ

РЕКОРД – 250 ПОСТАНОВЛЕНИЙ

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД УЖЕСТОЧАЕТ ПОЗИЦИЮ В ОТНОШЕНИИ РОССИИ

Анастасия ПОТАПОВА,
советник президента ФПА РФ по международным вопросам

26–27 февраля в рамках совместной программы, финансируемой Советом Европы и Европейской комиссией, в Санкт-Петербурге был проведен очередной семинар на тему «Применение Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод на национальном уровне». Этот семинар был особенным: адвокатам не часто выпадает удача встретиться с Анатолием Ивановичем Ковлером – судьей от России в Европейском суде по правам человека. На семинаре Анатолий Иванович выступал в качестве эксперта Совета Европы.

Фото: «АГ»

В своем первом выступлении перед участниками семинара Анатолий Ковлер дал толкование нескольких статей Конвенции. Прежде всего он опроверг мнение о том, что в ЕСПЧ вправе обращаться только лица, являющиеся гражданами той страны, против которой подается жалоба. Из текста ст. 1 Конвенции следует, что государство – участник Конвенции берет на себя ответственность за соблюдение прав любого гражданина, в том числе иностранного, который находится на его территории. Это касается в первую очередь такой деликатной сферы, как высылка иностранцев. Рассматривалось уже немало дел против России по жалобам лиц, не являющихся ее гражданами («Нахманович против России», «Вассерман против России», «Худоёров против России», «Муминов против России» и др.).

Статья 2 «Право на жизнь» закрепляет ответственность государства за обязательство охранять это право. Но практика ЕСПЧ показывает, что право на жизнь рассматривается не только в сущностном, но и в процессуальном аспекте: Суд исходит из того, что важно не только сохранить жизнь, но и провести эффективное расследование в случае гибели гражданина.

Касаясь применения ст. 3 «Запрещение пыток», Суд рассматривает как условия содержания под стражей, так и процессуальные аспекты – например, в деле «Дедовский и др. против России» об избиении ОМОНом заключенных в колонии. Следствие по данному факту было прекращено в связи с невозможностью опознания лиц, нарушивших права заключенных, так как сотрудники ОМОНа были в масках, и установить вину каждого не представлялось возможным. Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле российские власти допустили нарушение материальных и процедурных требований ст. 3 Конвенции.

Таким образом, адвокаты, подающие жалобы в ЕСПЧ, должны учитывать, что почти каждая статья Конвенции имеет как сущностный, так и процессуальный аспект.

Анатолий Иванович отметил интересный факт: Суд получает много жалоб от адвокатов, практикующих в странах передовой демократии. Суть этих жалоб сводится к тому, что злоупотребление правом назначения адвокатов в уголовных делах является практически нарушением ст. 4 «Запрещение рабства и принудительного труда». В таких случаях должен применяться принцип пропорциональности общего и частного интересов, поэтому Суд всегда требует, чтобы государство и заявитель дали полную информацию о занятости адвоката в течение последних трех лет: сколько времени он занимался частной практикой, а сколько работал как адвокат по назначению.

Очень важно и толкование некоторых понятий, которые заложены в Конвенции. Например, понятие «статус жертвы» Суд раскрывает в нескольких постановлениях, в частности по делу «Бурдов против России». Национальные власти в течение двух лет не выплачивали заявителю присужденную ему компенсацию, а затем заявили, что, поскольку через два года компенсация все же была выплачена, заявитель теряет статус жертвы.

В п. 31 Постановления по этому делу Суд указал: «...решение или мера, принимаемые в пользу заявителя, в принципе не являются достаточными для того, чтобы лишать его статуса жертвы, пока национальные власти не признают, прямо или по сути, факт нарушения Конвенции и не предоставят соответствующую компенсацию... Как бы то ни было, выплата, осуществленная лишь после того, как данная жалоба была коммуницирована властям, не является каким-либо признанием с их стороны возможных нарушений. Равно как таковая выплата адекватно не возместила вред, причиненный заявителю... Учитывая данные обстоятельства, Суд полагает, что заявитель все еще может утверждать, что он является жертвой нарушения п. 1 ст. 6 Конвенции и ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции».

Рассматривая российские дела, Суд часто сталкивается с понятием «правовая определенность», которое означает соблюдение принципа недопустимости повторного рассмотрения однажды решенного дела. В п. 52 Постановления по делу «Рябых против России» Суд отметил: «Правовая определенность предполагает уважение... принципа окончательности судебных решений. <...> Полномочия вышестоящих судов на пересмотр должны использоваться для исправления судебных ошибок, неправомерных судебных решений... Пересмотр не может рассматриваться как замаскированная апелляция... возможность существования двух взглядов на вопрос не является основанием для повторного рассмотрения». Изменения, которые происходят в надзорной инстанции в России, во многом стали возможны благодаря этой позиции Суда, которая была воспринята нашим судейским сообществом.

В 2008 г. было вынесено рекордное число постановлений по российским делам – 250; Россия выиграла полностью 9 дел, частично – 5 дел.

В постановлениях по делам «Сиверин против России» от 4 декабря 2008 г., «Сладков против России» от 18 декабря 2008 г. Суд впервые констатировал нарушение ст. 13 Конвенции «Право на эффективное средство правовой защиты».

Более 50 % всех жалоб, поступающих в ЕСПЧ, касаются нарушений ст. 6 «Право на справедливое судебное разбирательство». Среди жалоб этой категории, поданных против России, преобладают жалобы на неисполнение решений суда по социальным вопросам, а также по вопросам предоставления квартир.

Отдельно стоит постановление по делу «Вассерман-2 против России», касающееся неисполнения решений не только национальных судов, но и ЕСПЧ по делу «Вассерман-1 против России». Суд постановил не только выплатить всю первоначально назначенную сумму полностью и проценты на нее, но и компенсировать моральный вред и возместить судебные издержки.

Особая категория дел по ст. 6 касается длительности судебной процедуры, как по гражданским, так и по уголовным делам. В прошлом году таких дел было более 20 (среди них «Рольгезер и другие против России»).

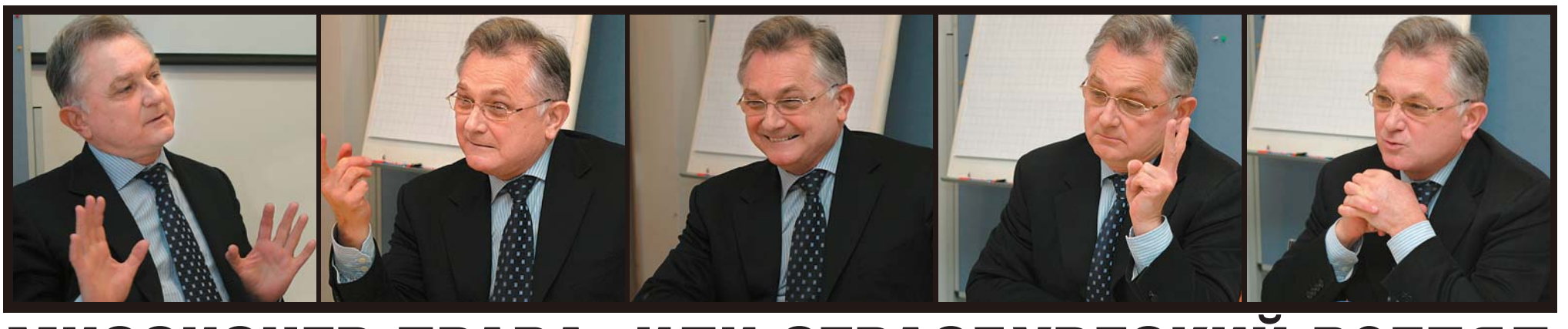
Начиная с 2004 г. Суд взял курс на принятие так называемых «пилотных» постановлений, которые выявляют структурные и системные нарушения и обязывают государства прибегать к законодательным мерам.

Исполнение «пилотного» постановления складывается из двух элементов. Первый состоит в том, что государство должно отчитаться, какие меры индивидуального характера оно приняло во исполнение постановления. Это самая легкая задача, потому что такие меры (например, компенсировать материальный или моральный ущерб или пересмотреть дело) указаны в самом постановлении. Второй элемент – это профилактические меры общего характера, которые государство должно принять во избежание подобных нарушений в будущем. В п. 249 Постановления по делу «Scozzari and Giunta против Италии» ЕСПЧ указал: «...государство-ответчик несет правовую обязанность... выбрать, под контролем Комитета министров, общие и/или, в исключительном случае, индивидуальные меры, и внести соответствующие изменения в свой правовой порядок для прекращения дальнейшего нарушения, обнаруженного Судом».

Сложность возникает, когда речь идет о системном неисполнении мер общего характера. Комитет Министров в резолюции от 12 мая 2004 г. призвал Суд в случаях повторяющихся нарушений отмечать в постановлениях наличие структурных проблем и указывать государствам на необходимость решать их.

В связи с неисполнением судебных решений «пилотное» постановление было принято по делу «Бурдов-2 против России». Суд указал, что на год «замораживает» рассмотрение подобных жалоб, с тем чтобы сразу все их коммуницировать государству и затем просить его доложить, какие меры приняты по этим делам. Постановление по делу «Бурдов-2 против России» дает государству возможность для маневра: либо принять закон и затем в судебном порядке рассматривать вопрос о массовом неисполнении судебных решений, либо в каждом конкретном случае заключать мировое соглашение.

Пока что это единственное «пилотное» постановление по жалобе против России, но не надо быть пророком, чтобы понять, что за ним последуют дела по надзору, по злоупотреблению арестом, по условиям содержания под стражей. Становится очевидно, что Суд ужесточает свою позицию в отношении России. АГ



МИССИОНЕР ПРАВА, ИЛИ СТРАСБУРГСКИЙ ВЗГЛЯД НА РОССИЙСКОЕ ПРАВОСУДИЕ

Марина САМАРИ

Анатолий Ковлер – судья Европейского суда по правам человека, избранный от Российской Федерации, рассказывает о страсбургской «кухне» специально для «АГ».

– Тяжела ли мантия судьи Европейского суда? Трудно ли все время быть в оппозиции к национальному правосудию?

– Я состою в оппозиции не к национальному правосудию, а к нарушениям элементарных прав граждан в оппозиции к здравому смыслу. У меня нет аллергии в отношении национального правосудия, поскольку в своей практике я вижу, что судебные решения пишутся грамотно, высококвалифицированными специалистами. В том, что половина судебных решений не исполняются, – нет вины нашего правосудия, это вина исполнительных органов.

– Вам пришлось отказаться от каких-то сложившихся представлений и убеждений?

– Да, конечно. Я переоценил значение прецедента в судебной практике. Стал острее ощущать проблемы других стран, потому что, когда занимаешься исключительно проблемами своей страны, кажется, что у нас все слишком плохо, а у них все слишком хорошо. При сопоставлении появляется боковое зрение, позволяющее видеть ситуацию с разных сторон, невольно происходит осознание глобальных проблем.

– Значит, у нас все не слишком плохо?

– Очень не плохо. Могу сказать, что на российские жалобы стоят очереди судей-докладчиков. Во-первых, интересны жалобы сами по себе, во-вторых, суд имеет дело с добротным материалом, и, в-третьих, у нас блестящие юристы – 30 юристов один другого лучше. В этом отношении мы не должны испытывать никаких комплексов неполноценности.

– Часто ли Вам приходится выступать с особым мнением?

– Довольно часто, возможно, у меня даже сложилась определенная репутация. Абсолютным чемпионом я не являюсь, но за свою практику написал более ста особых мнений. Сказывается академическое прошлое, которое заставляет всегда видеть глубину проблемы, рассматривать ситуацию в разных аспектах.

– Каковы взаимоотношения между судьями ЕС?

– Отношения достаточно лояльные. Мы можем до хрипоты спорить на закрытых заседаниях, непримиримо отстаивать свою позицию, а потом мирно вместе пить кофе, идти в кино или приглашать в гости. Мы стараемся отделять профессиональную деятельность от чисто личных отношений, никогда не переносим рабочие споры на личные отношения.

– Насколько судьи Европейского суда доступны для СМИ? Ведут ли иностранные корреспонденты репортажи из зала суда?

– Мы долгое время по соображением безопасности допускали прессу для съемок лишь на первые минуты. Пишущие журналисты могут попасть на любое открытое заседание, а съемки допускаются только в начале, исключительно для того, чтобы не мешать работе суда. А последние полтора-два года в Европейском суде ведется съемка публичных заседаний с интернет-трансляцией. Таким образом, любой желающий в самом отдаленном уголке земли может следить за нашими заседания в режиме реального времени. Речь, разумеется, идет об открытых заседаниях, никто не пустит журналистов в комнату для прений, а на публичных рассмотрениях может присутствовать любой человек с улицы.

– Как часто Вам приходится рассматривать жалобы против России?

– Участие национального судьи в рассмотрении дел, касающихся его страны, обязательно по жалобам, которые признаны приемлемыми. При рассмотрении судебных жалоб по существу национальный судья вводится в состав палаты и имеет один голос из семи.

– Много ли дел против России в общем потоке?

– Да, и национальному судье тут приходится бегать из палаты в палату. Такая у нас почетная миссия большой страны: чтобы дела одной страны не концентрировались в конкретной палате, их разбрасывают по нескольким. В процентном же соотношении 54 % всех жалоб, поступающих в Европейский суд, приходят из четырех стран: России, Украины, Турции и Румынии.

– Есть ли общее лицо у исков против России?

– Конечно, у каждой страны есть своя «визитная карточка» и свои особые жалобы. Для России – это массовое неисполнение судебных решений, злоупотребление надзором в гражданских делах для отмены вступивших в законную силу судебных решений, злоупотребление исключительно заключением под стражу в качестве меры пресечения, хотя УПК дает другие возможности, наконец, условия содержания в СИЗО.

– Какие государства обращаются с подобными жалобами?

– По условиям содержания и по безобразиям в полиции мы схожи с Турцией, у нас много общего с Украиной по неисполнению, с Польшей – по условиям содержания. Еще у нас проблемы с надзором – последние бастионы надзора пали в Молдове, Украине и Румынии в 2001–2003 гг. Россия из членов Совета Европы осталась единственной страной, которая сохраняет надзор как чрезвычайную инстанцию.

– Можно ли говорить о таком явлении, как общеевропейская правовая (судебная) культура?

– Думаю, что после 50 лет практического применения Европейской конвенции она уже состоялась. Создание уникальной системы международной судебной защиты прав граждан является, на мой взгляд, одним из величайших достижений европейской цивилизации. И самое главное в работе этой системы то, что она применяет единые минимальные стандарты защиты прав граждан от Исландии до Сахалина. Гражданин может апеллировать не только к своему государству, но и к панъевропейской системе защиты. И ссылки на национальные особенности, традиции здесь уже не работают. Это очень важно, потому что такая практика позволяет наделять государство определенными обязанностями, а гражданина – универсальными правами.

– Насколько адаптирована Россия к этой системе?

– Я считаю, что мы – составная часть европейской цивилизации, и любой шаг вправо или влево – скатывание на обочину этой цивилизации. Я бы хотел, чтобы некоторые политики, которые часто выступают с необоснованной критикой Европейского Суда как предвзятого и политизированного, стали это понимать.

– Адвокаты из России – кто они? Специалисты, которые практически живут в Страсбурге, или энтузиасты из российской глубинки?

– В отличие от Англии или Италии, где уже есть адвокатские конторы, специализирующиеся на жалобах в Европейский суд, у нас заявления подают обычные адвокаты. Не секрет, что некоторые из них стали специализироваться на жалобах в Европейский суд, и я бы сказал, что у нас уже сложилась когорта адвокатов, которые хорошо владеют процедурой ЕС, знают правила регламента, умеют обосновывать жалобы, выступать в публичных прениях. Это отрадно. Единственным уязвимым местом, пожалуй, является знание языка. Здесь наши адвокаты не могут блистать свободным знанием английского или французского так, как это делают адвокаты из Италии, Швейцарии, Германии. Тем не менее есть адвокаты, которые довольно прилично выступают и пишут документы на рабочих языках суда.

– К вам часто обращаются за помощью? В чем Вы реально можете помочь, а с чем лучше не обращаться?

– Попытки практиковать телефонное право были. Надо сказать, что я никогда не испытывал давления со стороны властей, зато давление со стороны прессы и адвокатуры присутствует. Не приемлю, когда люди, пользуясь знакомством, встречей на семинаре или неосторожно данной визитная карточкой, начинают звонить, интересоваться, лоббировать свои интересы. Такие попытки узнать что-то заранее я категорически отвергаю и стараюсь резко пресекать подобного рода общение. Особенно раздражает желание выяснить мое мнение по конкретным делам, часто незавершенным. Я понимаю профессиональные потребности журналистов и адвокатов, но они должны понимать и мои профессиональные обязанности, прежде всего обязанность хранить тайну совещательной комнаты и не разглашать подробности дела еще не рассмотренного.

Что же касается разъяснений принципиальных позиций суда, его подходов, особенностей процедуры, характера жалоб, общих тенденций и прочего – я всегда с удовольствием поделюсь опытом. Подобного рода разъяснения входят в нашу лекторскую работу. Мы здесь уподобляемся, если хотите, миссионерам, которые несут правду о деятельности суда. В этом нет противоречия. Главное – не быть пристрастным. АГ

Ян ГУСЕВ

ВСЕ КАК ОДИН

Десять адвокатов задали жару азербайджанской юстиции

Конвенционным правом объединения с другими человек пользовался с глубокой древности, даже не подозревая об этом, – только в сообществе он мог обеспечить себя пропитанием, защититься от четвероногих, реализовать иные права и свободы. Государства с претензией на демократию теоретически признают право на объединение, на практике стремясь обставить его множеством рогаток. Однако есть на просторах бывшего СССР и такие любопытные образования, где даже создать адвокатское общество можно только через Европейский суд, как показало рассмотренное недавно дело «Алиев и другие против Азербайджана».

В 2003 г. 10 местных адвокатов учредили было некоммерческую ассоциацию «Азербайджан хюкукшюнасларинин форуму», что в переводе означает «Форум азербайджанских адвокатов». Свои действия они объяснили намерением осуществлять деятельность, направленную на дальнейшую демократизацию общества, создание правового государства, укрепление связей между адвокатами и защиту их профессиональных интересов. Из текста постановления не ясно, кому помешали общественно-полезные тенденции в азербайджанской адвокатуре и можно ли возражать против столь благородных целей в принципе, но ответа из Минюста, на который законом о государственной регистрации юридических лиц отводилось 10 дней, адвокаты не дождались.

Спустя год заявители подали жалобу в Ясамальский районный суд, ссылаясь на то, что министерство уклоняется от регистрации их форума, и просили обязать зарегистрировать последний. Они утверждали, что проволочки с регистрацией нарушают их право на свободу объединения с другими, предусмотренное ст. 58 Конституции и ст. 11 Конвенции, а также просили взыскать в их пользу компенсацию морального вреда.

Слава честным почтальонам

В своем отзыве на жалобу Министерство юстиции утверждало, что в феврале 2004 г. направило заявителям официальный ответ по указанному ими адресу, хоть почта и не смогла его доставить из-за опечатки на конверте. Не опуская руки, министерство вновь написало ответ в июне 2004 г., в котором указывало, что возвращает документы, так как в них не указан вид деятельности форума и к тому же учредителями якобы не подписан устав.

В январе 2005 г. Ясамальский суд отклонил жалобу заявителей. Он принял на веру, что министерство направило формальный ответ, хоть заявители и не получили его из-за ненамеренной ошибки в адресе. Суд не согласился и с тем, что ответчик нарушил 10-дневый срок на ответ, поскольку в январе 2004 г. был введен в действие новый закон о регистрации, согласно которому срок на реагирование был увеличен до 40 дней. С таким выводом согласились и вышестоящие азербайджанские суды.

Заявители жаловались Европейскому суду, что уклонение министерства юстиции от своевременной регистрации форума нарушило их право на объединение с другими лицами. По их мнению, отсутствие указания на вид деятельности форума в его названии, равно как и отсутствие подписей под уставом не являлись основаниями для отказа в регистрации. Вероятно, уловив последние слова, азербайджанское правительство отвечало на это, что оно и не отказывало в регистрации, а только хотело, чтобы заявители сами добровольно устранили все недостатки. Его позиция сводилась к следующему: «Хотя отказ в регистрации может быть расценен как нарушение права на свободу объединения с другими, задержка ответа на заявление [о государственной регистрации] не является нарушением этого права». После такого умозаключения правительство, помолчав, добавило, что отсутствие статуса юридического лица не препятствовало форуму осуществлять свою деятельность, покритиковало заявителей за небрежность в подготовке документов и породило еще несколько доводов в том же роде.

В деле адвокатов Европейский суд наставлял на ум молодые демократии не впервые. По жалобам Рамазановой, Насибовой и Исмаилова он указывал, что уклонение от ответа в установленные законом сроки фактически представляет собой отказ. В отсутствие государственной регистрации ассоциация лишена многих преимуществ, хоть и может осуществлять кое-какую ограниченную деятельность. Такое «вмешательство» может быть оправданно с точки зрения ст. 11 Конвенции, если оно предусмотрено законом, преследует законную цель и «необходимо в демократическом обществе». Оно должно сопровождаться гарантиями от произвольных действий государственных органов. В отличие от ранее рассмотренных дел настоящее осложняется тем, что через несколько месяцев после обращения заявителей в Минюст вступил в силу новый закон о регистрации юридических лиц. В связи с этим Европейскому суду пришлось докапываться до истины в вопросе о том, какой именно закон регулирует регистрационную процедуру в деле заявителей, и эта задачка не отняла у него много времени.

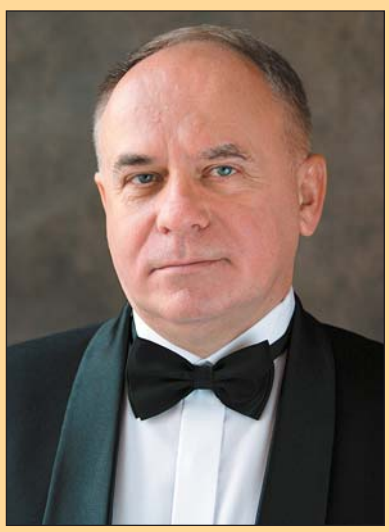
За все в ответе

Суд отметил, что заявление было подано в июне 2003 г., когда действовал старый закон, устанавливавший 10-дневный срок ответа со стороны Минюста. Следовательно, последний должен был ответить не позднее 3 июля 2003 г., но не удосужился это сделать. Действительно, к моменту рассмотрения жалобы национальными судами был издан новый закон, увеличивший срок ответа до 40 дней, однако это не может освободить Минюст от ответственности за неисполнение старого закона. Суды не считали, что новому закону придана обратная сила, да и правительство при всем понятном желании уклониться от конвенционного наказания на это не ссылалось. Европейский суд был вынужден признать, что уклоняясь от ответа на заявление в течение почти восьми месяцев, министерство нарушило 10-дневный срок, который должен применяться в этом запутанном деле. Предполагаемая нагрузка, лежавшая на этом органе, не может служить оправданием для длительной волокиты, так как государство не сделало ничего, чтобы привести деятельность Минюста в соответствие с собственным законодательством.

Европейский суд обратил внимание и на то, что закон о регистрации не предусмотрел с достаточной точностью последствий непринятия Минюстом мер в установленные сроки; в частности, он не допускал автоматической регистрации, в связи с чем министерство имело возможность по своему произволу делать процедуру бесконечной. Естественный вывод о том, что вмешательство в права заявителей не было предусмотрено законом, освободил Европейский суд от необходимости перебирать другие критерии ст. 11. Поскольку заявители не просили о справедливой компенсации за нарушение Конвенции, на этом занавес милосердия над безобразиями азербайджанской правовой системы временно опустился, судя по тому, как обстоят дела в этой приятной стране, вероятно, ненадолго. АГ

КАПЛИ ДАТСКОГО КОРОЛЯ

60 – Александр Степанович ДЕРЕНКОВ



Родился 29 марта 1949 г. После окончания Харьковского юридического института и службы в армии Александр Степанович выбрал адвокатуру и в 1974 г. был принят в Курскую областную коллегию адвокатов, но спустя два года решил заняться судебной деятельностью. Семь лет проработал он в Ленинском народном суде г. Курска, затем пять лет – в Курском областном суде. Как один из лучших судей г. Курска, Александр Степанович был зачислен в резерв Верховного Суда РФ, но в 1987 г. судьба вновь привела его в адвокатуру.

С тех пор Александра Степановича пять раз избирали председателем президиума Курской областной коллегии адвокатов. Его компетентность и эрудицию признают не только коллеги, но и судьи и процессуальные оппоненты.

Благодаря своему огромному опыту и профессионализму в 1998 г. он был включен в комиссию по правам человека при губернаторе Курской области и в комиссию по принятию Устава Курской области. Он входит также в состав Государственной аттестационной комиссии юридического факультета Курского государственного университета.

В октябре 2002 г. на учредительной конференции адвокатов Александр Степанович был избран президентом Адвокатской палаты Курской области, а в декабре 2003 г. на I Всероссийском съезде адвокатов – членом Совета Федеральной палаты адвокатов РФ.

50 – Сергей Николаевич КОПТЯКОВ

Родился 22 марта 1959 г., трудовую деятельность начал в качестве заливщика металла на крупном предприятии, совмещая эту работу с учебой на юридическом факультете Томского государственного университета. По окончании ТГУ пять лет работал народным судьей, но в 1991 г. принял решение заняться адвокатской деятельностью.

Обладая обширными познаниями не только в сфере юриспруденции, но и во многих других областях, Сергей Николаевич умеет освещать факты по делу с точки зрения психологии, работает с полной отдачей сил, отличается настойчивостью в достижении поставленной цели. Коллеги по достоинству оценили его профессионализм и высокие нравственные качества: С.Н. Коптяков награжден медалью «Почетный адвокат России» и орденом «За верность адвокатскому долгу».

В 2003 г. был избран президентом Адвокатской палаты Томской области, что позволило ему в полной мере раскрыть и другой свой талант – организатора и администратора. Он использует все возможности для того, чтобы создать коллегам условия для повышения профессионального уровня. По его инициативе Адвокатская палата заключила с Юридическим институтом при ТГУ договор о проведении два раза в год курсов по повышению квалификации. Адвокаты, окончившие курсы, получают сертификат государственного образца.

Николай ГОЛИКОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ БУМЕРАНГА

Нарушение прав адвокатуры отзывается для виновных государств долгим эхом

Конвенционная система организована по принципу «выстрелил и забыл»: отбыв необременительное наказание, государство-ответчик вновь считается порядочным. Однако может случиться, что, щелкнув по его лбу или иным местам, страсбургское постановление возвращается неспешным бумерангом и ставит виновнику новое клеймо. Нарушением правила non bis idem может показаться и дело «Пановиц против Кипра», в котором Европейский суд, отхлестав несколько лет назад ответчика за преследование адвоката, ныне припомнил тот полузабытый случай, разбирая дело его подзащитного, довольно шустрого, но криводушного подростка.

Заявитель Пановиц, вероятно, принадлежит к числу молодых, но ранних – в свои 17 лет он успел стать героем уголовного дела о грабеже и убийстве. Последнее обвинение он опровергал не слишком убедительно, в основном ссылаясь на то, что не бил потерпевшего камнем, а только пнул его разок-другой, отчего тот по неизвестным причинам скончался. Местный суд не внял таким возражениям и насчитал юноше много лет лишения свободы, которое он отбывает до сих пор. Но поскольку правоохранительные органы государств-участников, независимо от политической системы и климатических условий, органически неспособны вести дела как положено, то и в данном случае были допущены пустяковые погрешности, а именно допрос ребенка проходил без адвоката. Государство-ответчик пыталось вилять, ссылаясь на то, что начальник полиции советовал отцу подростка нанять адвоката, но от расстройства папа пропустил мимо ушей этот довод разума, и, как выяснилось, семья от этого не прогадала. Когда к квалифицированной юридической помощи Пановицы все же прибегли, молодой курортной демократии стало еще больнее, поскольку привлеченный ими адвокат Киприану, как выяснилось, не любил отсиживаться в окопах и довольно быстро задел за живое всех членов суда, так что спокойно рассмотреть это дело им не довелось.

«А мне что за дело? Все-таки посадить после пикника»

Конфликт возник при перекрестном допросе свидетелей – адвокат вначале потребовал освободить его от участия в деле в связи с невозможностью исполнения им обязанностей из-за придирок со стороны судей. После того как в этом, со ссылкой на какой-то местный прецедент, было отказано, он в свойственной ему образной манере назвал записочки, которые писали друг другу судьи во время допроса, «равасакиями». Поскольку данное не вполне академическое выражение означает в лучшем случае приглашение на любовное свидание, нетрудно понять, что судьям это совсем не понравилось.

Складывается впечатление, что мэтр Киприану, несмотря на свой 40-летний стаж, действовал как мелкий и не слишком искусный провокатор, и в таком случае его замысел увенчался полным успехом. Судьи сначала оторопели и даже предложили ему ознакомиться с запиской, «которая все еще находится в руках брата Эконому», а потом, неоправданно впав в грех гнева, после 10-минутного совещания, приговорили адвоката к пяти дням ареста. Чтобы еще больше выставить себя на смех, в своем решении братья Фотиу, Эконому и Михаелидес со ссылкой на словарь современного греческого языка перечислили все значения слова «равасакия» и отметили, что чувствуют себя глубоко оскорбленными подобным выпадом. Несдержанный адвокат, посвистывая, отправился под арест, вероятно, употребив время уединения для написания жалобы в Европейский суд, который и воздал государству-ответчику должное, установив нарушение ряда пунктов ст. 6 Конвенции. Кипрское правительство и на этом не успокоилось, на свою голову добившись передачи дела в Большую палату. Последняя не слишком его утешила, признав дополнительно нарушение права на свободное распространение информации и взыскав в пользу буйного адвоката на 20 тыс. евро больше, чем это было предусмотрено постановлением секции. Но на этом злоключения киприотов не кончились – всего через три года страсбургская очередь дошла и до самого Пановица, который, как ему представлялось, претерпел в том числе из-за того, что судьи ополчились на его адвоката.

«А нарсудья тоже нервный такой мужчина попался – прописал ижицу»

Безусловно, мальчик не забыл и об отсутствии юридической помощи при его первоначальном допросе. Этот довод был с пониманием воспринят палатой, указавшей, что понятие справедливости, воплощенное в ст. 6 Конвенции требует, чтобы обвиняемый мог воспользоваться услугами адвоката на первом же допросе в полиции. Поскольку к моменту полицейского допроса заявителю было 17 лет, он едва ли мог сознавать свое право на получение юридической помощи перед дачей показаний. Также он вряд ли мог разумно оценить последствия допроса по делу об убийстве в отсутствие адвоката. Палата приняла к сведению аргумент правительства о том, что власти были готовы в любой момент предоставить ему адвоката, если он об этом попросит, однако суть ее заключения сводится к тому, что хотеть значит мочь. Чего бы ни хотели власти, они не разъяснили ребенку право на привлечение адвоката, в том числе в случае необходимости бесплатно. Хотя признание заявителя при первоначальном допросе в полиции не было единственным доказательством, положенным в основу приговора, оно, тем не менее, имело решающее значение для перспектив защиты. Ввиду этого отсутствие достаточной информации о праве заявителя на консультацию с адвокатом до полицейского допроса, особенно с учетом его возраста и отсутствия опекуна на допросе, представляло собой нарушение его прав на защиту.

Признание заявителя, полученное при таких сомнительных обстоятельствах, являлось решающим элементом обвинения против него, которое существенно ограничивало перспективы защиты на суде и не было устранено в последующем разбирательстве. Хотя к числу задач Европейского суда не относится решение вопроса о том, правильно ли доказательства по делу заявителя были оценены судами страны, он все же усмотрел, что осуждение было в решающей степени обусловлено признанием, подкрепленным дополнительным письменным заявлением. Степень, в которой дополнительное письменное показание было подорвано нарушением его права на защиту в связи с обстоятельствами получения признания, не была оценена судом и осталась неясной. Такую ситуацию Европейский суд воспринял с заметным раздражением, указав, что использование признания заявителя, полученного при обстоятельствах, нарушавших его право на надлежащую процедуру, непоправимо подорвало его право на защиту.

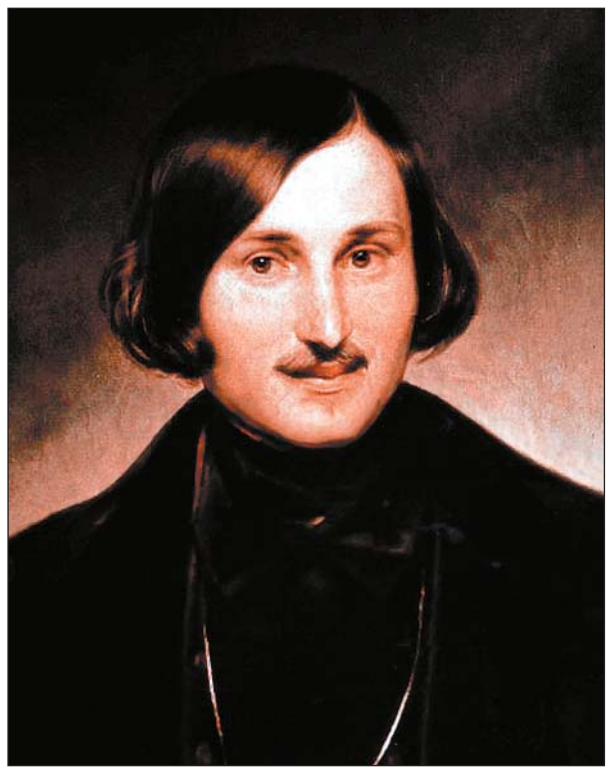
Бездна зовет своих детей

Однако гвоздем программы вполне естественно оказалось обращение местного суда с адвокатом заявителя. Палата отметила, что у адвоката заявителя были разногласия с судьями на протяжении всего разбирательства, вследствие чего адвокат был признан виновным в неуважении к суду. В постановлении по делу «Киприану против Кипра» было установлено, что личное поведение судей не выдержало субъективного теста на беспристрастность. Хотя разбирательство по поводу неуважения к суду осуществлялось независимо от основного процесса заявителя, тот факт, что судьи сочли себя оскорбленными адвокатом заявителя, который оспаривал способ проведения перекрестного допроса судом, оказал отрицательное влияние на действия защиты заявителя. Кроме того, Европейский суд отметил, что отклонение ходатайства г-на Киприану о его освобождении от участия в разбирательстве, основанного на том, что он чувствует себя неспособным продолжать защиту заявителя эффективным образом, вышло за пределы соразмерного реагирования с учетом влияния на права защиты заявителя.

Таким образом, давно сданное в архив дело адвоката Киприану продолжает отрицательным образом сказываться на судьбе страны, содержащей на службе таких вспыльчивых судей, и в деле Пановица обернулось для нее дополнительным ведерком неприятностей. Бездна пренебрежения требованиями Конвенции имеет такое свойство, что в нее можно падать всю жизнь и во всяком случае не обязательно один раз. Тщетно судья ad hoc Эротокриту (которого за упорство вполне можно было бы переименовать в Эротокипру) доказывал в особом мнении, что отказ в привлечении адвоката и недостаточно ясное уведомление о наличии соответствующего права – совсем не одно и то же. Не помог и довод о том, что он, как ни старался, не мог понять, каким образом «инцидент с адвокатом заявителя мог повлиять на качество разбирательства в целом», – Конвенция, как известно, не требует, чтобы судья, назначенный государством-ответчиком, все схватывал на лету. Самое неприятное, что вместо компенсации, о которой молодой заявитель не просил, палата обязала ответчика пересмотреть его уголовное дело, как это постепенно входит в Страсбурге в моду. Таким образом, кипрское государство получило еще один шанс показать себя, которым было бы грех не воспользоваться, чтобы не угодить в третий раз в ту же яму под пение бумеранга – далекое, но вполне различимое. АГ

ДВЕСТИ ЛЕТ ВМЕСТЕ

Советами Гоголя умеет пользоваться не каждое правительство



Наследие великих обладает свойством самовозрастающей стоимости, и юбилей – законный срок для начисления процентов. Задолго до его наступления профессиональные почитатели того или иного таланта чуют приближение божества – по дразнящему запаху бюджетных средств, которые могут вылиться в штатные единицы, издательские программы и мемориалы. В пределах утвержденной сметы возможны любые творческие приемы, не исключая и презентацию произведений юбиляра силами членов правительства. В этом отношении на первый взгляд выглядит немного ущемленным писатель Николай Васильевич Гоголь – накануне его 200-летия речь идет в основном о таких масштабных проектах, как поправка слегка съехавшего набок памятника, поставленного веком раньше.

Совсем не так обстояло дело 100 лет назад, когда этот памятник был установлен. Из-за невиданного наплыва делегаций оргкомитет даже был вынужден объявить, что возлагать к нему венки (первый прислал царь) разрешается только молча и по-деловому. Исключение сделали для соединенного хора городских учащихся, который исполнил кантату, начинавшуюся словами: «В стольном городе, Москве родной, собирался народ со Руси святой, он принес привет сыну славному, что дарил людей тихой радостью». Нынешний юбилей довольствуется малым: из комнаты, где скончался виновник торжества, наконец выведен объект бытового обслуживания (впрочем, не в ущерб правам последнего на остальную часть здания), а институт археологии преподнес обществу угрожающий подарок, неизвестно зачем определив место первоначального захоронения писателя на Даниловском кладбище.

Кризис назрел

Отсутствие ажиотажа в условиях очередного кризиса не так страшно – Гоголь не придавал большого значения ритуальному обслуживанию и ориентировал своих почитателей: «Кому же из близких моих я был действительно дорог, тот воздвигнет мне памятник иначе: воздвигнет он его в самом себе своей непоколебимой твердостью в жизненном деле, бодреньем и освеженьем всех вокруг себя». Эта задача не так проста, как может показаться на первый взгляд, и неудивительно, что наши предки в 1909 г. предпочли пойти по иному пути, за что всего через несколько лет пришлось поплатиться. Сейчас дело обстоит хуже – само значение Гоголя в наши дни под большим вопросом.

Если обозревать художественное наследие с высоты интеллекта организаторов конкурса «Имя России» (полагающих, что великая страна может быть воплощена не то что в 10 тысячах или хотя бы в 12, а даже в одном имени), напрашивается мысль о том, что Гоголю, вероятно, здорово не повезло с его старшим современником Пушкиным. При жизни, на правах старослужащего, Александр Сергеевич хоть и подбрасывал ему сюжеты, добродушно ворча на то, что этот малоросс обирает его так, «что и кричать нельзя», но немного прижимал его с публикациями в «Современнике» (в частности, отправил в корзинку почти две трети написанных им рецензий).

Главная неприятность – в том, что своим разносторонним гением Пушкин сильно затенил творческое наследие Гоголя, будучи любезен народу в качестве вождя и учителя всех последующих работников искусства. Хотя по счету критика Белинского, кое-что понимавшего в мировой литературе, получалось, что предшественников у Гоголя нет, если видеть в Пушкине «наше все» (как известно, автор формулы вкладывал в нее совсем другое содержание), для Гоголя просто не останется места. Достижения последнего признаются потомками значительно реже и больше в шутливой форме – «все люди по сравнению с Пушкиным пузыри, только по сравнению с Гоголем Пушкин сам пузырь». Сам Гоголь, впрочем, так не думал: «Труд мой есть его [Пушкина] создание».

Страшенно впертый

Не слишком усердно поклоняется кумиру всех благородных сердец и заграница: если Достоевскому одно время удавалось расшевелить даже неискушенные японские души, то Гоголь в сознании наиболее продвинутой европейской аудитории, вероятно, выглядит продолжателем дела Гофмана – благодаря самоходным портретам и гробам вертикального взлета. При этом надо отметить, что крылатая фраза о гоголевской шинели, из которой якобы вышел весь генералитет русской литературы, как ни удивительно, принадлежит иностранцу.

Не лучше обстоит дело в ближнем зарубежье: на малой родине самого автора нелегко далось одомашнивание «Тараса Бульбы» из-за формулы «Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу», совершенно не поддающейся переводу. Но даже проходная на первый взгляд фраза «Бульба был упрям страшно» в новом звучании оборачивается анекдотом: «Бульба був страшенно впертый».

Посмеявшись над Западом, следует с сожалением отметить, что в вышеупомянутом отечественном конкурсе Гоголь еле выбрался в топ-50, пониже Хрущёва, но повыше Андрея Рублёва (ай да Пушкин, все-таки сумел проскочить в первую десятку). Это еще не такой плохой результат – например, в борьбе за место под солнцем М.Ю. Лермонтов с трудом переиграл известного футболиста, а прочие инженеры человеческих душ вообще не вышли в плей-офф. Вероятно, Гоголю помогла убедительная «промоция»: «Выросший в деревне, он насмотрелся на всякое, и всякая подмеченная им всячина позднее вошла в оглушительно красочные, “вкусные” и “сочные” по форме и фактуре» произведения. На этом фоне менее выигрышно смотрится довод в пользу Лермонтова: великий поэт, известный по кинофильму «Джентльмены удачи», как «мужик в пиджаке», у которого «в 1829 г. рождается замысел одного из самых “хитовых” произведений» (имеется в виду поэма «Демон»).

Безоговорочно признавая право каждого на свое представление о гениях, можно согласиться с тем, что Гоголю случалось ставить в тупик и более изощренные умы, – действительно, постичь, в чем уникальный вклад этого автора, намного проще сердцем. Упомянутый в начале статьи мастер эпатажа, и тот уклонился от рассуждений о нем, пояснив свой выбор: «Гоголь так велик, что о нем и писать-то ничего нельзя». И все-таки в юбилейные дни даже кошка вправе смотреть на короля, тем более что сам он не запрещал этого и даже приветствовал обсуждение («А ты, читатель... простого звания, не считай себя таким невежею, чтобы ты не мог меня чему-нибудь научить») – по крайней мере, пока благодарные слушатели удерживали себя в рамках приличия и хотя бы не обзывали его сумасшедшим.

«Я, господа, редкость приобрел! Единственный экземпляр гоголевского портрета, на котором автор изображен с бородавкой на носу!»

Соблазн если не обучения Гоголя, то хотя бы толкования его творчества вкривь и вкось все еще силен, тем более что автор как будто давал для этого повод своими замысловатыми сюжетами. Редкое произведение не подверглось взыскательному анализу – даже вышедшая, как отмечалось выше, из «Шинели» когорта работников пера, жалевших маленького человека, и та в свете новейших открытий вышла совершенно не в ту сторону. Оказывается, Акакий Акакиевич не жертва обстоятельств (или эксплуататорского строя, или высокомерия должностных лиц, или недостатков патрульной службы), а сам является средоточием стяжательства, за что ликвидирован автором в качестве носителя греха. То, что социально не защищенный герой мечтал о шинели не вследствие глухоты к вечным ценностям, а потому что не хотел простудиться, интерпретаторами, естественно, в расчет не принимается.

Любопытные претензии предъявляются Агафье Тихоновне, которая пострадала, во-первых, за то, что отказалась от внутрисословного брака, а во-вторых, как подсчитали гоголеведы, полюбила Подколесина в Великий пост, в связи с чем ее расчеты на мирную жизнь не могли оправдаться по определению. Но больше всего достается повести «Нос», которая, по мнению особо вдумчивых исследователей, наглядно свидетельствует о проблемах личной жизни автора, хоть, возможно, сексопатолог стал бы лучшим другом самих изобретателей этой теории.

Не ставится под сомнение разве сатирический талант автора с его непременным атрибутом в виде «горького» (вариант – гениального) смеха; благодаря устойчивости этого штампа любой взрыв хохота в ночной тиши порой ассоциируется с тем, что это великая тень Гоголя не находит покоя. Он и сам не отрицал, что «еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять так ярко пошлость жизни», и характеризовал смех как единственное «честное, благородное лицо» в «Ревизоре». Действительно, его искусство развенчания порока поражает – спустя полтора века тузы российского бизнеса, какими бы президентами и исполнительными членами они себя не именовали, не могут не отдавать себе отчета в том, что они всего лишь чичиковы и не заслуживают даже самостоятельного описания – давно исчислены, взвешены и найдены очень легкими.

Даже то, что ошибочно считается фантасмагорией, – та же самая сатира, только имеющая вид сбоку. В самом деле, стоит ли воспринимать буквально шутку о том, что одна часть тела может ходить в мундире с расшитым воротником, молиться богу и пользоваться услугами междугородной перевозки (русский народ должен поклониться автору за то, что он, щадя наши национальные чувства, избрал для своих целей такой безобидный орган, как нос)? Всякому известно, что без пятого измерения и прочей чертовщины, от которой ум заходит за разум, собственный мизинец можно назначить на высокий пост и благоденствовать под его сенью – на вспомогательной должности при нем или просто на заслуженном отдыхе. Увидеть, что нос – всего лишь орган обоняния, может разве что квартальный надзиратель, и то при условии, что он имеет при себе очки; в этом прозрачном намеке на прокурора тоже не так много трансцендентного. И уж совсем нет мистики в том, что художнику, полюбившему длинный рубль, не стоит рисовать картины духовного содержания – у него обязательно получится какая-нибудь ерунда. АГ

Окончание в следующем номере